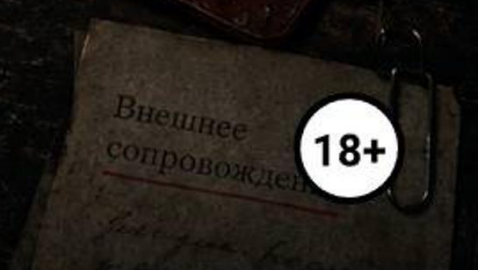
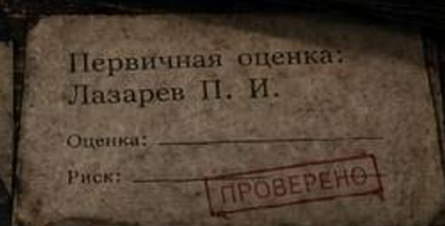
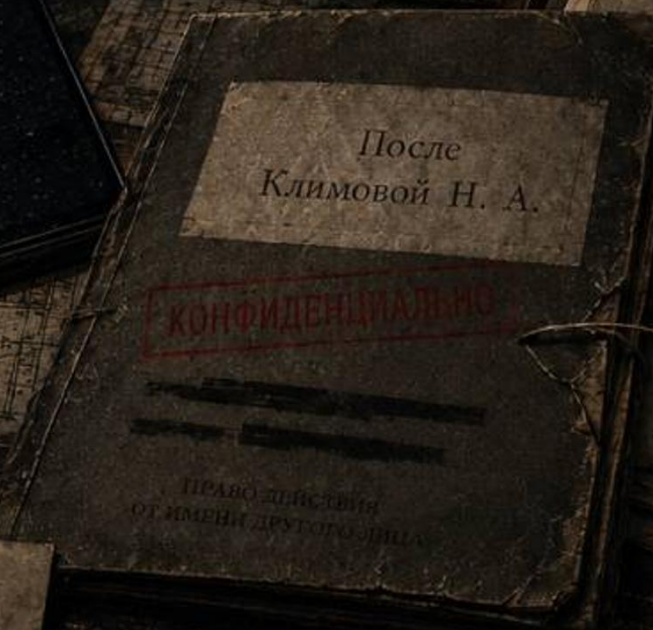

КИРА РЕЗНИК

ПОСЛЕДНИЙ ВХОД

ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Резник
Доверенное лицо

«Автор»

2026

Резник К.

Доверенное лицо / К. Резник — «Автор», 2026

После «Круга подтверждения» Надя Климова получает новый удар не в лоб, а в самое опасное место - право быть собой. Паша Лазарев оказывается назначен её доверенным лицом. Формально - для защиты. Фактически - как человек, которому система готова отдать право входить, получать, подписывать и решать вместо неё. В это же время умирает архивист Илья Лосев, оставляя после себя посмертный пакет, серый пропуск, маршрут 9-ДЛ и странную цепочку последних входов. Садовая, 55, комната 0-4, чёрный телефон, чужие полномочия и папка «После Климовой Н. А.» складываются в новый маршрут. На этот раз систему не интересует, как сломать Надю. Ей нужен тот, кто войдёт после неё. Девятая книга серии «Последний вход» - о доверии, которое становится документом, о близости как уязвимости и о праве не отдавать свою жизнь даже тем, кто формально может действовать от твоего имени.

© Резник К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Серия "Последний вход". Книга 9	5
Глава 1. Доверенное лицо	5
Глава 2. Он разрешит	8
Глава 3. Серый пропуск	12
Глава 4. Вход от имени	16
Глава 5. Чужой код	20
Глава 6. Тело с разрешением	24
Глава 7. Супруга ограниченной достоверности	28
Глава 8. Садовая, пятьдесят пять	31
Глава 9. Материнская дверь	36
Глава 10. Садовая, 55	40
Глава 11. Чужая явка	44
Глава 12. Второе лицо	48
Глава 13. Исторический контакт	51
Глава 14. Квартира с правом входа	55
Глава 15. Садовая, пятьдесят пять	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Доверенное лицо

Серия "Последний вход". Книга 9

Глава 1. Доверенное лицо

После «Круга подтверждения» прошло одиннадцать дней.

Этого было слишком мало, чтобы город успел забыть. И слишком много, чтобы те, кто работал медленно, не успели переставить мебель внутри своих схем.

Петербург лежал под ноябрьским дождём плоско и зло. Асфальт у Дровяного переулка блестел, как старая медицинская клеёнка. В окнах напротив горели одинаковые кухонные прямоугольники, и Наде казалось, что за каждым таким прямоугольником кто-нибудь сейчас подтверждает чью-то нормальность, чью-то опасность, чью-то вину, просто не называя это так. «Она одна живёт». «Он странный». «Мы давно замечали». Город снова говорил чужими головами и делал вид, что это просто быт.

Она сидела в своей конторе без верхнего света. Настольная лампа вытаскивала из темноты край стола, холодный след от кружки и распечатку по делу Мальцева, которую давно нужно было убрать в архив, но рука каждый раз проходила мимо. На листе осталась последняя служебная формулировка: «Круг подтверждения признан неполным. Личность не отвергнута». Не признана. Не восстановлена. Просто не отвергнута.

В России это уже почти считалось милосердием.

Телефон завибрировал не звонком, а коротким системным толчком. Надя посмотрела на экран и не сразу поняла, почему внутри стало тихо.

Не сообщение. Не письмо. Не обычное уведомление.

Служебная карточка без отправителя.

Климова Н. А.

Самостоятельный доступ: временно ограничен.

Основание: внешнее сопровождение.

Доверенное лицо: Лазарев П. И.

Статус доверенного лица: активен.

Надя медленно положила телефон на стол. Потом подняла снова. Текст не исчез. Красная полоска внизу будто подмигнула, но это, скорее всего, дрогнула подсветка.

Она не стала сразу звонить Паше. Это было бы слишком удобно. Система любила первое движение. Первые звонки, первые отказы, первые «да ты что», первые слова, сказанные без адвоката, без мысли, без злости в нужном месте. Первое всегда потом становилось доказательством.

Надя открыла ноутбук. Старый, перегретый, с наклейкой, которую Морозов называл «позором цифровой безопасности», но всё равно дважды чинил. В почте ничего. В старом служебном ящике - пусто. В личном кабинете, куда она заходила только через отдельный контур, висел запрос, которого минуту назад не было.

Подтвердите ознакомление с назначением доверенного лица.

Кнопки было две.

Подтвердить.

Оспорить через доверенное лицо.

Надя смотрела на вторую кнопку дольше, чем следовало. Потом усмехнулась.

- Ну красиво, - сказала она пустой комнате. - Суки, но красиво.

Дверь внизу хлопнула. Не в её конторе. В подъезде. Старый дом всегда сначала предупреждал: вот кто-то вошёл, вот кто-то медленно снимает перчатки, вот кто-то не знает, куда поставить мокрые ноги. Нормальные клиенты так не приходили. Нормальные сначала звонили. Ненормальные тоже звонили, но с чужих номеров.

Надя закрыла ноутбук не до конца, оставив экран светиться узкой щелью. В ящике стола лежал фонарик, перцовый баллончик и бумажная папка с надписью «оплачено», в которой не было ни одной оплаченной работы. Она взяла только фонарик.

Шаги остановились за дверью.

Не стук.

Сначала шорох. Потом короткий вдох. Потом голос, женский, низкий, сорванный так, будто человек всю дорогу запрещал себе плакать и теперь запрещение закончилось раньше сил.

- Надежда Александровна?

- Кто вы?

- Мне сказали... - Пауза. - Мне сказали, если я войду к вам, он умрёт.

Надя не открыла.

- Кто умрёт?

- Он уже умер.

Надя нажала большим пальцем на фонарик, но не включила.

- Назовитесь.

- Марта Лосева. Я не клиент. Я... я не знаю, кто я по делу. Мне сказали, что мой муж отказался от помощи добровольно. Потом сказали, что помощь не потребовалась. Потом прислали уведомление, что его доверенное лицо было своевременно информировано.

- Кто доверенное лицо?

За дверью стало тихо. Тишина была не драматическая. Рабочая. Человек собирал себя обратно, потому что дальше начиналось самое плохое.

- Павел Игоревич Лазарев.

Надя почувствовала, как внутри всё встало на место слишком быстро. Не потому что стало понятно. Потому что схема, наоборот, раскрылась как челюсть.

- Вы знаете Лазарева?

- Нет.

- Ваш муж знал?

- Нет.

- Тогда откуда фамилия?

- В выписке. В отказе. В протоколе уведомления. Везде. Я пришла не просить вас расследовать смерть мужа. Я пришла понять, почему за него отвечал человек, который отвечает теперь за вас.

Надя открыла дверь.

На площадке стояла женщина лет тридцати пяти. Рыжеватые волосы потемнели от дождя и прилипли к вискам. Пальто было хорошее, но застёгнуто неправильно - одна пуговица ушла мимо петли. В руках она держала прозрачный файл, прижатый к груди так плотно, будто внутри лежала не бумага, а ребро.

За её спиной лестница уходила вниз, в мокрую жёлтую темноту. Никого.

- Проходите, - сказала Надя.

Марта вошла и сразу поставила файл на стол. Не села. Не сняла пальто.

- Его звали Илья Лосев. Сорок два года. Он работал в архиве подрядчика. Не в вашем. Не в тех, про которые писали бы в бумагах. Он таскал коробки, сканировал старые личные дела, ездил по адресам. Говорил, что работа грязная, но не уголовная. Последнюю неделю он боялся телефона.

- Все теперь боятся телефона.

Марта посмотрела на неё, и Надя увидела злость. Хорошо. Злость держала лучше истерики.

- Он боялся, что телефон ответит за него.

Надя взяла файл. Первый лист был копией уведомления. Бумага пахла дешёвым тонером и аптечным пластиком - видимо, распечатали в киоске рядом с больницей или моргом. Вверху стояло: «Случай отказа от экстренного вмешательства». Ниже - «Пациент: Лосев И. А.». Ещё ниже - строка, от которой у Нади неприятно стянуло кожу под лопатками.

Доверенное лицо уведомлено. Возражений не поступило.

Лазарев П. И.

Под строкой был цифровой штамп. Без подписи. Без живого следа. Только аккуратная отметка, что всё состоялось.

- Где он умер?

- В техническом помещении на Обводном. Официально - сердечный приступ. Но мне не дали увидеть тело нормально. Сказали, что вскрытие плановое, вопросов нет, материалы переданы. А сегодня утром мне пришло вот это.

Она достала второй лист.

Надя прочитала и наконец села.

Климова Н. А.

Назначение внешнего сопровождения: требуется подтверждение доверенного лица.

Доверенное лицо: Лазарев П. И.

Связанные случаи: Лосев И. А.; доступ ограничен.

- Откуда это у вас?

- Илья отправил мне вчера в ночь. Уже после смерти.

- После смерти сообщения любят ходить, - сказала Надя.

Марта кивнула слишком быстро.

- Поэтому я и пришла.

Телефон Нади снова завибрировал.

На экране высветилось входящее: Лазарев П. И.

Только под именем впервые появилась новая подпись.

Доверенное лицо.

Глава 2. Он разрешит

Паша приехал через двадцать семь минут.

Это было долго для него и быстро для города. Он вошёл мокрый, злой, с лицом человека, который по дороге успел трижды понять, что любое объяснение будет звучать как оправдание. На лестнице он не курил, хотя раньше в таких случаях хотя бы доставал пачку и мял её в кулаке. Теперь у него вместо пачки был телефон. Тоже вредная привычка, только с протоколом.

- Я ничего не подтверждал, - сказал он с порога.

Надя не ответила сразу. Марта стояла у окна, спиной к комнате, и смотрела на двор так, будто там могли предъявить ещё один документ против мёртвого мужа. Дождь бил в стекло мелко и настойчиво. В комнате пахло мокрой шерстью, холодным кофе и чужим страхом.

- Садись, - сказала Надя.

- Не надо со мной как...

- Садись, Павел.

Он сел. Не потому что подчинился. Потому что услышал имя без служебной формы и понял: сейчас всё хуже личного.

Надя положила перед ним уведомление по Лосеву. Паша прочитал один раз. Потом второй. На третьем чтении у него изменился взгляд - ушёл вперёд, в бумагу, но не зацепился за текст. Так смотрят не на ложь. Так смотрят на правду, которую поставили в чужую клетку.

- Лосев Илья Андреевич, - сказал он. - Я такого не знаю.

- А система знает, что ты должен был знать, - сказала Надя.

Марта резко повернулась.

- Вы правда следователь?

Паша поднял на неё глаза.

- Да.

- Тогда объясните мне, как живой человек может умереть, потому что какой-то другой живой человек, которого он не знает, не возразил?

Паша не стал говорить «я понимаю». Хорошо. Если бы сказал, Надя, наверное, что-нибудь бросила бы в стену.

- Никак, - сказал он. - По-человечески никак. По бумагам - надо смотреть.

- По бумагам он уже умер правильно.

- Значит, будем искать, где бумага стала раньше тела.

Марта снова отвернулась. В плечах у неё что-то дрогнуло, но она удержалась.

Паша достал свой телефон и показал Наде экран. Там висел запрос с отметкой времени: 23:41, вчера.

Лазарев П. И.

Подтвердите статус доверенного лица по связанному случаю.

Основание: высокая достоверность внешнего подтверждающего.

Объект первичного сопровождения: Климова Н. А.

Связанный случай: Лосев И. А.

Ниже кнопки:

Подтвердить участие.

Отказаться от участия.

Запросить уточнение.

Кнопка «запросить уточнение» была серой.

- Я нажал отказ, - сказал Паша.

Надя посмотрела на него.

- Когда?

- Сразу.

- И?

Он провёл пальцем вниз. Появилась служебная строка.

Отказ доверенного лица принят как отсутствие возражений в установленный срок.

Марта тихо рассмеялась. Смех вышел маленький, безумный, но не истеричный. Просто человек впервые увидел механизм в чистом виде.

- То есть если вы согласны, вы согласны. Если вы не согласны, вы тоже согласны.

- Нет, - сказал Паша. - Если я не согласен, это нужно сказать так, чтобы они не смогли положить мой отказ в свой ящик. Я сказал неправильно.

Надя увидела, как ему это стоило. Не сам факт ошибки. Ошибались все. Страшнее было другое: его уже научили отвечать точнее, а он всё равно попал. Значит, ящик стал глубже.

- Не грызи себя сейчас, - сказала она. - Позже погрызёшь, если останется время.

- Спасибо за заботу.

- Это не забота. Я экономлю ресурс.

Марта взяла со стола ещё один лист и протянула Паше. Руки у неё наконец начали дрожать.

- Это было в его кармане. Мне отдали не сразу. Сказали, технические вещи, мусор. Я вытащила из пакета в туалете морга, потому что сотрудница ушла курить.

Лист был не листом, а обрывком плотной бумаги. На нём шариковой ручкой, чужой или почти чужой рукой, было написано всего две строки.

Если станет плохо - не звони Марте.

Звони Лазареву. Он разрешит.

Паша прочитал и побледнел так, что Надя почти физически услышала, как у него внутри поднялась злость.

- Это не его почерк, - сказала Марта. - И не мой. Но бумага была у него.

- Где тело? - спросила Надя.

- В морге на Екатерингофском. Но мне сказали, что сегодня его переведут.

- Куда?

- Не сказали. Доверенному лицу, наверное, сказали бы.

Паша встал.

- Рита там?

- Рита, если её спросить сейчас, скажет, что она не бюро находок, - сказала Надя. - И поедет.

Она уже набирала.

Рита взяла с третьего гудка.

- Если у тебя опять труп, который сам себя не подтверждает, я увольняюсь и открываю ларёк с шавермой. Там хотя бы мясо честнее.

- У нас труп с доверенным лицом.

- Поздравляю. Труп социально адаптирован.

- Лосев Илья Андреевич. Екатерингофский.

Пауза стала другой.

- Он у меня.

Надя подняла глаза на Пашу.

- И?

- И у него в сопроводительных документах стоит, что представитель уведомлён. Лазарев Павел Игоревич. Я как раз думала, звонить тебе или сначала уебать кого-нибудь штампом по лбу.

- Тело смотрела?

- Начала. Сердечный приступ там как объяснение из ЖЭКа: вроде подходит ко всему, пока не открывать дверь. Есть странные мелочи. Кисти. Ногти. Следы на предплечьях, как будто он долго держал что-то или пытался не дать себя отодвинуть. И ещё у него на шее раздражение от пластика. Не петля. Не удавка. Скорее бейдж или пропуск на шнурке, который сорвали.

Паша резко посмотрел на Марту.

- У него был пропуск?

- Да. Архивный. Серый. Он всегда носил, хотя дома я орала, что это паранойя и грязь на рубашках.

- Пропуска нет, - сказала Рита в трубке. - Вещи пришли без него.

Марта закрыла рот ладонью. Не чтобы не закричать. Чтобы не сказать имя мужа так, как его уже никто не сможет услышать.

- Рита, - сказала Надя, - никому тело не отдавать.

- Ага, сейчас. Ко мне уже пришёл запрос на передачу материалов доверенному лицу.

- От кого?

- От доверенного лица.

Паша сказал тихо:

- Я ничего не отправлял.

Рита, видимо, услышала.

- Я знаю, мальчик. Поэтому и звоню. Тут теперь всё, что ты не отправлял, приходит особенно быстро.

Надя взяла пальто.

- Марта, вы едете с нами.

- Зачем?

- Потому что пока вы жена, а не источник эмоционального искажения. Надо успеть.

- У меня уже в бумагах написано, что я эмоционально вовлечена.

- Все живые эмоционально вовлечены. Мёртвым удобнее, они не спорят.

Паша открыл дверь и остановился.

На лестничной площадке лежал мокрый конверт.

Белый, без марки. Его просунули под дверь, пока они говорили. На конверте стояла одна строка, напечатанная ровным шрифтом.

Климовой Н. А. Передать через доверенное лицо.

Надя не наклонилась.

- Не трогай, - сказал Паша.

- Сам бы додумалась.

- Подтверждаю.

Они посмотрели друг на друга.

И впервые за долгое время это слово прозвучало между ними не как оружие, а как больная шутка, которую никто не стал развивать.

Марта медленно сползла на стул у двери.

- Это было у Ильи, - сказала она.

Надя повернулась.

- Что?

- Такой же конверт. В тот вечер. Он сказал: если я его открою, они узнают, что я сам вошёл.

- Куда вошёл?

Марта посмотрела на Пашу.

- К вам.

Паша не понял.

- Ко мне?

- Нет, - сказала Марта. - В ваш доступ.

Дождь за окном стал сильнее, будто кто-то снаружи решил замывать стекло до чёрного.

Глава 3. Серый пропуск

Морг на Екатерингофском встретил их запахом холодного металла, мокрого линолеума и дешёвого лимонного средства, которым пытались перебить то, что не перебивается.

Рита стояла в коридоре в синем халате, не застёгнутом до конца, с лицом человека, который давно устал от мёртвых, но живые всё равно бесили сильнее. Волосы она собрала криво. На правой перчатке у неё был тёмный след, и она раздражённо держала руку на весу, будто след был личным оскорблением.

- Ну что, доверенные мои, - сказала она. - Проходите. Только если кто-то начнёт говорить «сердечко не выдержало», я сделаю вид, что не медик, а потерпевшая.

Марта остановилась у двери.

- Я могу?

Рита посмотрела на неё без мягкости, но и без служебного стекла.

- Можете. Но смотреть будете на лицо, если надо опознать. Остальное не надо. Не потому что я вас берегу. Потому что там уже не он для вас, а работа для меня.

Марта кивнула.

Илья Лосев лежал на столе под простынёй. Лицо у него было не мирное. Надя ненавидела это слово применительно к мёртвым. Мёртвые не мирились. У них просто отнимали мышцы, и живые принимали неподвижность за согласие.

Марта подошла на два шага. Взялась за край металлического стола. Не плакала.

- Это он.

- Достаточно, - сказала Рита.

- Нет. - Марта сглотнула. - У него шрам под подбородком. Он в детстве упал на бордюр у бабушки. Он всегда брился так, чтобы его не цеплять. Можно я...

Рита осторожно приподняла простыню ровно настолько, насколько нужно. Шрам был. Белая короткая полоска, почти потерянная в сером свете.

Марта выдохнула.

- Это он, - повторила она. - А теперь пусть кто-нибудь попробует сказать, что я не вхожу в круг.

Надя ничего не сказала. Иногда человек сам находил правильную фразу, и трогать её было преступлением.

Рита отвела их к боковому столу. На нём лежали фотографии, копия сопроводительного листа и маленький прозрачный пакет. В пакете - волокна серого пластика и обрывок чёрного шнура.

- Смотрите, - сказала Рита. - Официально: острое нарушение сердечного ритма на фоне хронического состояния. Удобно, скучно, почти не придерёшься. Мужик сорок два, нервы, работа, поздний час, техническое помещение, помощь не вызвал вовремя. Всё ложится.

- Но? - спросил Паша.

- Но тело упрямое, зараза. На пальцах микротравмы. Не от драки. От удержания. Он хватался за край, за коробку, за дверь, за что-то шершавое. На предплечьях следы давления, но не такие, как если бы его скрутили. Скорее его отодвигали. Не сильно. Уверенно. Как мешающий предмет. На шее - раздражение и короткий ссадинный след под углом. Я бы сказала, сорвали бейдж или пропуск, когда он уже был в плохом состоянии. Не убили пропуском, если тебе интересно.

- Мне уже всё интересно, - сказал Паша.

- Это лечится смертью, но поздно.

Надя взяла фотографию шеи. Серый след был мелкий, почти стёртый.

- Он мог сам сорвать?

- Мог. Но тогда направление другое. Тут тянули от него. Снизу и вправо. Кто-то стоял близко. И был правша, если не извращаться с позой.

Морозов появился на экране телефона, который Паша поставил к стене. Лицо у него было помятое, как распечатка после дождя.

- Я вас всех ненавижу. Особенно мёртвых, которые заводят новые учётки после полуночи.

- Ты по Лосеву? - спросила Надя.

- По Лосеву, по Лазареву, по твоему новому чудесному статусу и по серому пропуску, которого нет. Начну с приятного: никакого взлома.

Рита подняла глаза.

- Ты сейчас это называешь приятным?

- Да. Потому что если бы был взлом, можно было бы найти дыру и заткнуть. А тут всё хуже. Пашу не взломали. Его повысили.

Паша медленно повернулся к экрану.

- Куда?

- В роль. После финальной сверки по Мальцеву у тебя появился статус «внешний подтверждающий: пригоден, достоверность высокая». Потом кто-то связал этот статус с контуром доверенных лиц. Не напрямую. Через промежуточный шаблон. Ты теперь в некоторых запросах проходишь как лицо, чьи возражения или отсутствие возражений имеют вес.

- Я не давал согласия.

- Конечно. Твоё согласие не нужно, если тебя используют не как человека, а как параметр доверия.

Рита присвистнула.

- Красиво. Мразотно, но красиво.

- Спасибо, я передам в ад.

Надя смотрела на пакет с пластиком.

- Серый пропуск.

- А вот тут вкуснее, - сказал Морозов. - Лосев работал с архивом временного доступа. Помните эту помойку, где всплывал М-3? Так вот, серый пропуск Лосева последние сутки проходил не только по его маршрутам. Он отметился у трёх точек. Обводный. Морг. И...

Он замолчал.

- Не театри, - сказала Надя.

- Дровяной переулочек. Твой дом.

Паша тихо выругался.

Марта смотрела на экран, но, кажется, уже ничего не понимала. Или понимала слишком много.

- Илья не был у меня, - сказала Надя.

- Его пропуск был. Или его копия. Или человек с его ролью. Камера у подъезда, как обычно, работала в режиме «я художник, я так вижу»: силуэт, дождь, капюшон, половина кадра в засветке. Но отметка прохода есть.

- У меня нет электронного входа.

- В дом - нет. В твой контур - есть. Кто-то стоял у подъезда и инициировал запрос как физическое приближение доверенного маршрута. Это тупой термин, не бейте меня. Смысл: система считает, что связанное лицо было рядом с объектом.

- Связанное лицо - Лосев? - спросил Паша.

- Нет. Вот именно. Связанное лицо - ты. Лосев принёс роль к дому Нади, а роль сказала: Лазарев рядом.

В коридоре загремели двери. Рита резко сняла телефон со стола и сунула в карман.

- Ко мне идут, - сказала она. - Не мои.

- Кто? - спросила Надя.

- Сейчас узнаем, кого я сегодня пошлю.

Дверь открылась без стука. Вошли двое. Мужчина в тёмной куртке с лицом районного исполнителя и женщина лет пятидесяти в аккуратном сером пальто. Женщина держала папку обеими руками, как поднос.

Надя сразу не узнала её. Потом узнала не лицо, а температуру.

Волкова.

Не та же. Старше, суше, с другим подбородком. Но мягкая линия взгляда была знакомая. Служебная забота как способ вынуть у человека позвоночник.

- Добрый вечер, - сказала женщина. - Елена Аркадьевна просила передать, что дальнейшего участие Надежды Александровны в материалах Лосева нежелательно без письменного согласования доверенного лица.

Паша сделал шаг вперёд.

- Кто вы?

- Татьяна Викторовна Мерцалова. Контур сопровождения доверенных лиц. Не волнуйтесь, Павел Игоревич, мы здесь не для давления.

- Конечно, - сказала Рита. - Вы просто в морг на ночь пришли с добрыми папками.

Мерцалова не посмотрела на неё. Это было ошибкой. Риту нельзя было не смотреть, если тыходишь в её помещение.

- Мы хотим избежать нарушения прав всех участников, - продолжила Мерцалова. - Особенно с учётом того, что тело Лосева И. А. связано с активным статусом Лазарева П. И. как доверенного лица.

- Я не его доверенное лицо, - сказал Паша.

- Это спорный вопрос.

- Это не вопрос.

- Любой отказ также подлежит фиксации.

Надя услышала, как эта фраза легла в комнату. Аккуратно. Без угрозы. Почти вежливо.

Паша тоже услышал.

- Фиксируйте, - сказал он. - Я отказываюсь быть доверенным лицом Лосева Ильи Андреевича. Подтверждаю факт поступления запроса. Не подтверждаю полномочия, основание и правомерность использования моего статуса. Требую отдельной проверки происхождения роли, времени назначения, источника передачи и всех связанных действий.

Мерцалова моргнула.

Не сильно. Но достаточно.

Надя посмотрела на Пашу и впервые за вечер почувствовала не облегчение, а холодную ясность: он учился. Система тоже.

Мерцалова открыла папку.

- В таком случае обязана сообщить: ваш отказ принят. До завершения проверки вы временно ограничены в самостоятельном принятии решений по связанным объектам.

- По каким объектам? - спросил Паша.

Мерцалова достала лист.

Верхняя строка была закрыта большим пальцем, но Надя уже видела достаточно.

Связанный объект: Климова Н. А.

Паша молчал.

Рита сказала очень тихо:

- Вот теперь я точно открываю ларёк.

Надя смотрела на лист и думала не о себе.

О Лосеве.

Мёртвый архивист каким-то образом принёс к её двери роль, которая сделала Пашу не защитой, а ограничителем. И если он умер из-за этого, значит, он успел понять, что несёт.

В пакете на столе лежали волокна серого пластика.
Пропуска не было.
А роль уже вошла.

Глава 4. Вход от имени

Конверт у двери открывали не в конторе.

Надя настояла. Паша спорил ровно тридцать секунд, потом понял, что спор сам станет частью чужого сценария, и замолчал. Конверт увезли к Морозову в подвал, где всё воняло пылью, перегретыми блоками питания и старой злостью. Морозов встретил их в футболке с выцветшей надписью «не трогай, оно и так еле живёт» и с таким лицом, будто эту надпись следовало нанести на всю страну.

- Ставьте вашу бумажную радость сюда, - сказал он, показывая на пустой металлический лоток. - Руки убрали. Дышать тоже по возможности прекратить.

- Ты криминалист или шаман? - спросил Суханов.

Суханов приехал молча, без вопросов. Просто появился у входа в морг через двадцать минут после звонка Риты, посмотрел на Мерцалову так, что районный исполнитель сразу вспомнил о другой срочной работе, и сказал: «К Морозову». Теперь он стоял у стены подвала, огромный, мокрый, раздражённый, как шкаф, который научился ругаться.

- Я человек, который не хочет потом слушать, что мы сами всё заляпали, - сказал Морозов. - Поэтому шаман. У шаманов хотя бы протокол короткий.

Конверт был обычный. Белый. Намокший по краю. На нём не было отпечатков, видимых без обработки, но Надя уже не верила в видимое. Видимое слишком часто работало на тех, кто умел ставить свет.

Морозов вскрыл его тонким ножом.

Внутри лежала фотография.

Не распечатка документа. Не флешка. Не записка.

Фотография, сделанная ночью через мокрое стекло: подъезд Нади, фонарь, размытая фигура в капюшоне у двери. В руке фигуры - серый пропуск на чёрном шнуре. На обороте было написано от руки:

Он вошёл не к тебе.

Он вошёл от тебя.

Суханов выругался первым.

- Почерк? - спросила Надя.

- Не Лосева, - сказала Марта. Она сидела на старом стуле возле батареи, держалась прямо, но кожа у неё стала почти прозрачной. - У Ильи буквы были круглее. Он писал как школьник, которого вечно заставляли переписывать.

- Не Пашин, - сказала Надя.

- Спасибо, - сухо сказал Паша.

- Не за что. У тебя почерк хуже.

Морозов положил фотографию под лампу.

- Бумага свежая. Печать тоже. Фото не оригинал, вытаснено из видео или серии кадров. Смотрите сюда.

Он увеличил участок возле руки фигуры. Серый прямоугольник пропуска распался на зерно, но одна деталь держалась: красная диагональная полоска у нижнего угла.

Марта закрыла глаза.

- Это его.

- Точно?

- Я её клеила. Он сломал угол, а новый пропуск не хотел получать. Сказал, что пока старый живой, пусть работает. Я наклеила красный скотч. Глупость.

- Не глупость, - сказал Морозов. - Теперь это не просто серый пластик.

Паша посмотрел на экран.

- Значит, Лосев был у Дровяного.

- Либо его пропуск был у Дровяного, - сказал Морозов. - Не спеши отдавать им живого человека, даже мёртвого.

Надя наклонилась ближе.

- Лицо фигуры есть?

- Нет. Капюшон, дождь, угол. Но есть походка, рост, плечо, левая нога. Если бы у нас было нормальное видео...

- У нас его нет.

- У нас его почти нет. Это разные вещи.

Морозов открыл второй экран. Там был фрагмент с камеры у соседнего дома. Картинка дёргалась, как больной глаз. Фигура шла вдоль стены, на секунду выходила под фонарь и исчезала. Рост примерно Лосева. Плечи - не его, если верить фотографии из документов. Но верить фотографиям после Мальцева хотелось меньше, чем рекламным обещаниям банков.

- Что с маршрутом? - спросил Суханов.

- Маршрут красивый. Слишком. Пропуск Лосева отмечается у архива на Обводном, потом у Дровяного, потом у технического помещения, где он умирает. Между отметками есть дыры, где его как будто везли без телефона. Сам телефон Лосева в это время стоит дома. Но с него отправляется Марте сообщение после смерти. Классика жанра, только без души.

Марта сказала тихо:

- Он оставлял телефон дома, когда боялся. Говорил, телефон теперь не вещь, а свидетель против хозяина.

- Умный был, - сказал Морозов. - Поздно, но умный.

Паша смотрел на фотографию.

- Если Лосев вошёл «от Нади», значит, его использовали как её действие?

- Или как твоё действие рядом с ней, - сказал Морозов. - Смотри. После восьмой книги у нас есть прекрасная связка: Климова - объект с неполным кругом, Лазарев - внешний подтверждающий высокой достоверности, эмоциональная связь подтверждена. Теперь появляется третье лицо, Лосев, которое приносит к дому Нади чужую роль. Система получает событие: возле объекта активировано связанное доверенное действие. Дальше Лазарева можно назначать не потому, что он попросил, а потому, что цепочка уже показала его присутствие.

Суханов потёр лицо ладонью.

- Человеческим языком.

- Человеческим языком: кто-то создал впечатление, что Паша уже вошёл в жизнь Нади от её имени. Теперь его можно заставлять отвечать за то, что он не делал, потому что раньше система уже посчитала его допущенным.

- А Лосев? - спросила Марта.

Морозов впервые посмотрел на неё без раздражения.

- Лосев, похоже, это понял. И решил не довести пропуск туда, куда его вели. Или довёз, но попытался забрать обратно. За это его отодвинули.

Марта кивнула. Один раз. Слишком спокойно.

- Его всегда отодвигали. Он говорил, что архивные люди удобны, пока таскают чужие коробки. Когда начинают читать, становятся лишними.

Надя взяла фотографию за край.

- Что ещё в конверте?

- Всё, - сказал Морозов. - И этого достаточно, чтобы нас повесили на крючок. Если мы несём фото официально - подтверждаем, что у твоего дома был Лосев или его пропуск. Если не несём - скрываем материал. Если отдаём Паше - доверенное лицо принимает. Если Паша отказывается - отказ фиксируется. Если ты несёшь сама - нарушаешь ограничение. Короче, шахматы для уродов.

- Уродам тоже мат ставят, - сказал Суханов.

- Да, Игорь Михайлович. Обычно другим уродом.

Надя посмотрела на Пашу. Он стоял очень прямо, почти служебно. Это всегда было плохим признаком: Паша прятался в форму, когда внутри было слишком много живого.

- Ты сейчас скажешь, что тебе надо выйти из дела, - сказала она.

- Нет.

- Тогда хуже.

- Мне надо войти глубже.

Суханов резко повернулся.

- Лазарев.

- Если я останусь снаружи, они будут использовать мой отказ. Если войду, смогу фиксировать каждый шаг. Не соглашаться. Не сопровождать. Не ограничивать. А присутствовать как человек, чью роль пытаются украсть.

- Тебя там сожрут, - сказала Рита из динамика. Она подключилась без видео и слушала уже пять минут, делая вид, что не слушает. - Сначала культурно. Потом по частям.

- Возможно.

Надя почувствовала, как злость поднимается не вверх, а внутрь. Она бы предпочла, чтобы Паша боялся. С боящимися проще спорить. С теми, кто уже выбрал точность вместо безопасности, спорить было почти невозможно.

- Ты не будешь моим доверенным лицом, - сказала она.

- Подтверждаю.

- Павел.

- Я не буду принимать решения за тебя. Не буду подписывать ограничение. Не буду подтверждать твою непригодность. Но я войду в этот контур и посмотрю, кто стоит за ролью.

- Это ловушка.

- Да.

- И ты туда пойдёшь.

- Да.

Марта вдруг встала.

- Илья тоже так сказал.

Все замолчали.

Она смотрела не на Пашу, а на фотографию.

- Я сказала ему: это ловушка. Он сказал: да. Я сказала: ты туда пойдёшь. Он сказал: если не пойду, они войдут за меня. А потом он умер, и теперь вы говорите то же самое другими словами.

Паша ничего не ответил.

Надя подошла к столу, взяла фотографию и положила её рядом с телефоном. На экране всё ещё висел статус: «Доверенное лицо: Лазарев П. И.»

Она нажала «оспорить через доверенное лицо».

Все увидели это одновременно.

Паша резко шагнул к ней.

- Надя.

- Тихо.

Система открыла новое окно.

Запрос на оспаривание принят.

Ожидается действие доверенного лица.

Паша побледнел.

Надя смотрела на экран спокойно. Почти слишком спокойно.

- Теперь ты неходишь сам, - сказала она. - Теперь я втолкнула тебя туда официально.
Разница есть.

- Ты понимаешь, что сделала?

- Да.

- Ты дала им связку.

- Нет. Я дала им место, где они обязаны показать руку.

Суханов тихо произнёс:

- Херовая игра.

- Других не дали.

Телефон Паши завибрировал.

Он не сразу посмотрел. Потом всё-таки поднял экран.

На нём было новое уведомление.

Лазарев П. И.

Действие доверенного лица требуется в течение 30 минут.

Объект: Климова Н. А.

Сопутствующий случай: Лосев И. А.

Рекомендуемое действие: временное ограничение передвижения объекта до проверки.

Ниже - красная строка.

При отсутствии ответа ограничение будет считаться согласованным.

Надя усмехнулась. Коротко, без радости.

- Вот и рука.

За дверью подвала что-то щёлкнуло.

Не замок. Не выключатель.

Сигнал доступа.

Морозов посмотрел на экран у входа, и вся кровь ушла у него с лица.

- Кто-то только что открыл дверь моим кодом.

Суханов достал пистолет быстрее, чем Надя успела вдохнуть.

На мониторе у двери появилась надпись:

Вход подтверждён.

Лазарев П. И.

Глава 5. Чужой код

Суханов держал пистолет двумя руками, низко, без киношной красоты. В подвале сразу стало теснее. Не от оружия. От того, как быстро все вспомнили, что техника может врать, а человек с железом в руке - нет, если у него хватит ума не стрелять первым.

Морозов не двигался. Он смотрел на экран у двери так, будто экран только что плюнул ему в лицо.

Вход подтверждён.

Лазарев П. И.

Под надписью мигала зелёная галочка. Маленькая, довольная, служебная. В таких галочках никогда не было крови, поэтому им верили охотнее.

- Дверь открыта? - спросила Надя.

- Внешняя, - сказал Морозов. Голос у него стал плоским. - Внутренняя ещё держится.

- Камера?

- Уже.

Он щёлкнул мышью. На втором мониторе появилась картинка с лестничной клетки: узкий коридор, облупленная краска, тусклая лампа, мокрый след на полу и человек в серой куртке, стоящий боком к объективу. Капюшон поднят. Лицо закрыто не маской, а углом. Обычный угол. Самая надёжная маска в городе.

Паша сделал шаг вперёд.

- Это не я.

- Спасибо, Павел Игоревич, - сказал Морозов, не отрываясь от монитора. - Без вас мы бы подумали, что вы научились раздваиваться и похудели килограммов на двадцать.

Фигура у двери подняла руку. Не к звонку. К считывателю.

На экране Морозова вспыхнула новая строка.

Допуск доверенного лица активирован.

Источник: переносимый ключ.

Уровень: временный.

- Переносимый ключ? - Суханов не опустил пистолет.

- Такая дрянь, которую нормальные люди называют удобством, - сказал Морозов. - Временный доступ на устройство. Телефон, браслет, метка, пропуск, кусок пластика, который давно надо было сжечь вместе с инструкцией.

Фигура положила что-то на пол перед внутренней дверью. Потом повернулась и ушла.

Не побежала. Не оглянулась. Просто ушла, как курьер, которому не доплатили за разговоры.

- Не открывать, - сказал Паша.

- Да ладно, - бросил Морозов. - А я уже хотел пригласить его на чай, спросить пароль от ада.

Надя смотрела на оставленный предмет. Через камеру он выглядел как маленький чёрный пакет с белой наклейкой. Наклейка была повернута к объективу намеренно.

Для доверенного лица.

- Они хотят, чтобы ты забрал, - сказала она.

Паша не ответил.

Марта сидела у батареи, зажав пальцы между коленями. Её лицо после слов «это не я» стало не мягче, а жёстче. Она уже поняла главное: теперь каждый в комнате мог сказать эту фразу, и ни одна такая фраза ничего не решала.

- У Ильи был переносимый ключ? - спросил Морозов.

- У него был только серый пропуск, - сказала Марта. - И старый телефон, который он оставлял дома.

- Все говорят «только», а потом из этого «только» вырастает кладбище.

Суханов посмотрел на Надю.

- Вызываем наряд.

- И отдаём пакет им?

- А что, хранилище у Морозова у нас теперь официальная камера хранения вещественных доказательств?

- Нет, - сказал Морозов. - У меня тут храм здравого смысла, его нельзя осквернять протоколом.

Суханов всё-таки убрал пистолет. Медленно.

- Сначала смотрим без рук. Потом решаем, кому отдавать. Если сейчас вызвать всех подряд, через час в бумагах будет: Лазарев принял пакет, Климова присутствовала, Суханов допустил, Морозов обеспечил. А потом нам скажут, что мы сами всё подтвердили.

Надя кивнула. Суханов иногда ругался, как ломовая лошадь, но думал всё ещё быстрее многих, кто говорил тихо.

Морозов включил увеличение. Чёрный пакет лежал ровно, без складок. На белой наклейке под основной строкой обнаружилась ещё одна, мелкая.

Срок действия ключа: 28 минут.

Паша тихо выдохнул.

- Они привязали к моему ответу.

- Не к ответу, - сказал Морозов. - К твоему молчанию. Ответ у нас теперь роскошь. Молчание дешевле, его легче автоматизировать.

Телефон Паши снова завибрировал.

Он не достал его сразу. Надя увидела, как напряглась мышца у него на щеке, и впервые за вечер захотела сказать что-нибудь простое. Не сказала. Простые слова в этой комнате были бы как белая рубашка в морге.

Паша посмотрел на экран.

Временный ключ доставлен.

Действие доверенного лица ожидается.

Подтвердите получение.

Ниже шли три варианта.

Получил.

Не получил.

Передать объекту.

- Красота, - сказал Морозов. - Если нажмёшь «получил» - принял. «Не получил» - врёшь, потому что доставка зафиксирована. «Передать объекту» - Климова принимает от тебя. Три кнопки, одна мышеловка. Мне почти нравится, если забыть, что я хочу их всех придушить шнуром от принтера.

- Четвёртый вариант есть? - спросила Надя.

Паша поднял глаза.

- Есть.

Он сделал снимок экрана, потом включил диктофон, поставил телефон на стол и проговорил медленно, так, будто каждое слово проходило через зубы.

- Лазарев Павел Игоревич. Получение временного ключа не подтверждаю. Наличие предмета перед дверью технического помещения фиксирую визуально по камере. Полномочия доверенного лица по Климовой Надежде Александровне и Лосеву Илье Андреевичу не принимаю. Любые действия, совершённые с использованием моего идентификатора после двадцати трёх часов сорока семи минут, считаю не моими до отдельной проверки источника.

Он остановился.

Надя ждала.

Паша добавил:

- Требую живого контакта с инициатором роли.

Морозов посмотрел на него почти с уважением.

- Растёшь, мальчик.

- Пошёл ты.

- И это тоже рост. Раньше ты говорил вежливее.

Ответ ушёл не через кнопку. Паша отправил запись в общий служебный канал с пометкой «оспаривание статуса». Через шесть секунд пришла автоматическая реакция.

Обращение принято.

Рассмотрение после завершения действия временного ключа.

До завершения действия отсутствие подтверждения считается риском для объекта.

Надя усмехнулась.

- Они даже не делают вид, что слушают.

- Делают, - сказал Суханов. - Просто отвечают не нам.

Марта вдруг встала.

- Откройте.

Все посмотрели на неё.

- Нет, - сказал Паша.

- Откройте. Если Илья умер из-за этого пропуска, я хочу знать, что они принесли.

- Вы хотите знать или хотите наказать себя? - спросила Надя.

Марта вздрогнула, будто ей дали по лицу. Потом выпрямилась.

- А есть разница?

- В результате - иногда.

Марта не отвернулась.

- Я выгнала его за шесть дней до смерти.

Тишина стала другой. Морозов перестал ругаться глазами. Суханов медленно опустил взгляд на неё.

- Он не жил дома, - сказала Марта. - Я сказала ему: либо ты говоришь, что происходит, либо уходишь. Он ушёл. Я думала, к другу. Или в архив. Или куда они там уходят, когда не хотят пугать жён. А теперь во всех бумагах я хорошая вдова, которая ничего не знала. Это неправда. Я знала, что он в беде. Просто устала быть бедой вместе с ним.

Надя видела, как Паша хотел сказать что-то человеческое. Не сказал. Хорошо.

- Куда он ушёл? - спросила она.

- Не знаю.

- Марта.

- Не знаю, - повторила она уже злее. - Но он оставил мне адрес. Сказал, если не вернётся, не ходить туда одной. Я и не пошла.

- Адрес.

Марта закрыла глаза.

- Садовая, пятьдесят пять.

Морозов поднял голову.

- Дом с башней?

- Да.

- Что там?

- Он сказал: там делают людей представителями. Я подумала, он несёт чушь.

За дверью внутреннего коридора пакет лежал неподвижно. На экране рядом с ним таймер отсчитывал минуты.

Срок действия ключа: 21 минута.

Морозов выругался тихо, почти нежно.

- Ну что, идём в башню.

В этот момент чёрный пакет сам подал звук.

Не сигнал. Не писк.

Изнутри раздался голос Лосева, слабый, с хрипом, будто запись шла через ткань и дождь.

- Павел Игоревич, не берите ключ. Он открывает не дверь.

Пакет замолчал.

Таймер продолжил идти.

Глава 6. Тело с разрешением

Рита приехала в подвал через сорок минут и сразу сказала, что всех ненавидит.

Это было хорошим признаком. Когда Рита переставала ненавидеть, начинались совсем плохие вещи: тишина, перчатки, короткие команды и лицо, на котором не оставалось ни одной человеческой привычки.

- Я должна сейчас быть дома, - сказала она, натягивая перчатки. - У меня дома суп. Нормальный человеческий суп, который не назначал никого доверенным лицом и не отправлял запросов после смерти. Но нет, я стою в подвале у цифрового некроманта и слушаю пакет.

- Пакет умнее некоторых живых, - сказал Морозов.

- Умнее тебя - точно не достижение.

Она наклонилась над чёрным пакетом, который уже успели сфотографировать, просветить, обложить салфетками, проклятиями и осторожностью. Срок временного ключа истёк десять минут назад. После истечения ничего не взорвалось, не разблокировалось, не включило камеру. Это почему-то раздражало сильнее.

- Запах? - спросила Рита.

- Пластик, вода, дешёвый клей, - сказал Морозов. - И что-то аптечное.

- Аптечное теперь везде. У нас страна пахнет аптекой и протоколом.

Она вскрыла пакет. Внутри лежали три вещи.

Серый пропуск с красной диагональной полоской.

Маленький диктофон без маркировки.

И тонкая прозрачная пластина, похожая на кусок упаковки от лекарства. На пластине был наклеен белый квадратик с напечатанной строкой.

Право входа не равно право выхода.

Марта прижала руку к губам.

- Это его пропуск.

- Не трогать, - сказала Рита. - Я тоже понимаю семейные чувства, но они липкие и портят вещественные доказательства.

- Там кровь? - спросила Надя.

- Там всё будет, - сказала Рита. - У таких предметов обычно богатая личная жизнь.

Морозов подключил диктофон через отдельный контур. Сначала пошёл шум. Потом дыхание. Потом голос Лосева.

- Если запись у вас, значит, я не смог вернуть роль. Не ищите убийцу там, где лежит тело. Тело положат правильно. Ищите того, кто разрешил мне умереть.

Пауза. Шорох. Далёкий звук, похожий на лифт.

- Павел Игоревич не знает меня. Это важно. Его сделали доверенным раньше знакомства.

Так удобнее. Когда человек уже отвечает за того, кого не видел, его можно поставить куда угодно. К Надежде Александровне. Ко мне. К следующему.

Голос оборвался. Потом снова появился, тише.

- Марта, я не уходил от тебя. Я ушёл, чтобы ты не подписала.

Марта закрыла глаза. Паша повернулся к стене.

Рита выключила запись первой.

- Дальше слушаете без вдовы, - сказала она.

- Я останусь, - сказала Марта.

- Нет.

- Это мой муж.

Рита посмотрела на неё так, что в комнате сразу стало понятно: спорить будет больно.

- Вот именно. Поэтому вы сейчас выйдете, выпьете воды и посидите на лестнице рядом с Сухановым. Если хотите ненавидеть меня - очередь там же, у меня много поклонников.

Марта хотела возразить. Не смогла. Суханов молча открыл дверь в соседнюю комнату, показал рукой. Она вышла, не глядя на Надю.

Когда дверь закрылась, Рита перемотала запись.

После фразы про подпись пошёл новый кусок. Голос Лосева был уже другим. Не слабее. Осторожнее.

- Садовая, пятьдесят пять. Второй двор. Бывший кабинет временного допуска. Там архив не хранится. Там хранят право доступа к архиву. Если они скажут, что я был представителем, не спорьте. Я был. Если скажут, что я отказался от помощи, спорьте. Я не отказался. Меня вывели из помощи через человека, которому я сам дал чужой вход.

- Чужой вход, - повторил Морозов. - Хорошая формулировка. Ненавижу.

- Тихо, - сказала Надя.

Дальше было хуже.

- Я работал с переносом доверенных ролей. Не полностью. Никто не видит полностью. Один сканирует заявление. Второй ставит отметку о контакте. Третий проверяет, что телефон ответил. Четвёртый закрывает возражения. Каждый делает мало. Поэтому всем удобно не быть виноватыми.

Суханов за стеклянной дверью с Мартой что-то говорил тихо. Слов не было слышно.

- По Климовой роль была старая. Не Лазарева. Старше. Её поднимали через прежний контакт. Потом прежний отказался. Тогда нашли внешнего подтверждающего. Лазарев подходил. Высокая достоверность. Эмоциональная связь. Процедурная грамотность. Он будет спорить правильно. Им нужен не тот, кто подпишет. Им нужен тот, чей отказ можно использовать как действие.

Паша медленно сел на край стола.

Надя не смотрела на него. Если посмотрит - станет личным. А личное сейчас уже лежало на столе и мигало служебными окнами.

Запись продолжалась.

- Я должен был провести серый пропуск к дому Климовой. Не как человек. Как событие. Пропуск активирует связку. После этого её можно ограничивать через доверенное лицо без прямого назначения. Я понял поздно. Пытался свернуть. Меня отвели на Обводный. Если смерть будет сердцем - не верьте. Сердце просто удобный исполнитель.

Рита выругалась совсем тихо.

- Вот теперь к телу.

Они поехали в морг на разных машинах. Надя с Пашей ехала молча. За окном город был мокрый, тёмный, рабочий. У аптек горел свет, у пунктов выдачи люди стояли под навесами, в окнах маршруток лица двигались в голубом свете телефонов. Все куда-то ехали, кому-то отвечали, что-то подтверждали, и от этого становилось мутно.

Паша сказал только у Лиговского:

- Я должен выйти.

- Из машины?

- Из роли.

- Ты уже пытался.

- Нет. Я пытался отказаться. Это другое.

Надя смотрела на дворники. Они размазывали воду по стеклу, как плохой корректор размазывает смысл.

- Сначала тело, - сказала она.

Морг встретил их батарейной духотой, мокрым линолеумом и женщиной в регистратуре, которая умела смотреть сквозь живых с таким видом, будто это они пришли не по расписанию. Рита уже была внутри. Она стояла над Лосевым без привычных реплик.

Это было плохо.

- Что? - спросила Надя.

Рита не сразу ответила.

- Официально - острая сердечная недостаточность на фоне хронической патологии. Красиво, аккуратно, почти не врёт.

- Почти?

- Почти - любимое слово убийц и врачебных комиссий.

Она показала на плечо Лосева. На коже был след от ремня или широкой ленты, не глубокий, но ровный. Ниже - мелкие ссадины на кистях. На пальцах - грязь, как будто он держался за шершавую поверхность. Под ногтями - не земля. Что-то серо-пластиковое, волокнистое.

- Он закрывался? - спросил Паша.

- Он удерживался, - сказала Рита. - Или его удерживали так, чтобы потом сказать: сам упал, сам схватился, сам не выдержал. Удобная смерть. Всё делает сама.

- Его били?

- Грубо - нет. Это и бесит. Нет у нас красивого удара по голове, нет ножа, нет пули, нет того, что можно положить перед начальством и сказать: смотрите, тут преступление, оно даже для вас нарядилось. Есть человек с больным сердцем, стрессом, следами удержания, отсутствием нормального вызова помощи и бумажкой, где доверенное лицо не возразило. Бумажка тут громче синяка.

Надя посмотрела на лицо Лосева. Обычное лицо человека, который умер не там, где должен был. После нескольких книг она уже знала: мёртвые редко выглядели так, будто успели всё сказать. Обычно они выглядели обиженно. Лосев выглядел устало.

- Он мог выжить? - спросила она.

Рита сняла перчатку с одной руки, потом снова надела, будто разозлилась на собственное движение.

- Если бы помощь была вовремя - возможно. Не «точно», не «гарантированно», не тот красивый ответ, который любят вдовы и прокуроры. Возможно. А вот если помощь задержать, оформить задержку как отсутствие возражений и потом положить тело в правильный коридор - смерть становится почти вежливой.

Паша закрыл глаза.

- Моим именем задержали помощь.

- Твоим идентификатором, - сказала Рита. - Имя пока не отдавай. Оно тебе ещё пригодится.

Суханов вошёл без стука. Посмотрел на тело. Потом на Пашу.

- Нашёл, где Лосев был последние шесть дней.

Надя повернулась.

- Садовая?

- Нет. Сначала - ночлежка при благотворительном фонде на Обводном. Зарегистрировался не как Лосев.

- А как?

Суханов достал сложенный лист.

- Как представитель Лазарева Павла Игоревича.

Паша открыл глаза.

Рита сказала:

- Я всё-таки открою ларёк. Продавать буду валидол и патроны.

Суханов положил лист рядом с телом.

В графе «основание для временного размещения» стояло:
Доверенное сопровождение. Лазарев П. И.
Подпись ответственного сотрудника была плохо читаема.
Но печать стояла чётко.

Глава 7. Супруга ограниченной достоверности

Марта узнала про ночлежку не сразу.

Надя не хотела говорить в коридоре морга. Коридоры вообще плохо подходили для правды: слишком много людей проходило мимо с одноразовыми бахилами, пакетами, справками, лицами, которые уже ничего не просили. Но Марта увидела лист у Суханова и сама шагнула ближе.

- Что там?

- Потом, - сказала Надя.

- Нет. Вы уже начали решать, сколько правды мне можно.

Фраза попала точно. Неприятно точно.

Паша отвернулся к окну. За окном ничего не было, кроме мокрой стены соседнего корпуса и трубы, из которой шёл пар. Даже город устал быть декорацией.

Надя отдала Марте копию.

Та прочитала. Лицо у неё не изменилось. Только губы стали светлее.

- Представитель Лазарева, - сказала она. - Мой муж спал в ночлежке как представитель человека, которого не знал.

- Пока так выглядит.

- Не надо мне «пока». Я уже поняла, что у вас любое «пока» потом становится протоколом.

Она прижала лист к груди, но уже не как ребро. Как нож, который некуда деть.

- Почему вы не сказали, что выгнали его? - спросила Надя.

Марта подняла глаза.

- Потому что вы бы решили, что я удобная вдова.

- А вы?

- Что я?

- Удобная?

Паша резко посмотрел на Надю, но не вмешался. Хороший мальчик. Уже не мальчик.

Марта долго молчала. Потом сказала:

- Да.

Слово вышло ровно. Без плача. И от этого стало хуже.

- Я удобная. Я устала. Я подписывала, когда он просил. Не читала. Он говорил: это просто доступ, просто сверка, просто чтобы мне не звонили ночью. Я подписывала. Потом он начал приносить домой чужие истории. Женщина, которую не пустили к сыну. Старик, у которого представитель забрал право получать справки. Девочка, которую бабушка сделала недееспособной не по закону, а по кнопкам. Он говорил: Марта, я это сканировал. Марта, я видел номер. Марта, у меня в руках был край. Я говорила: Илья, перестань таскать работу в постель. Я плохая?

- Вы живой человек, - сказала Надя.

- Это не ответ.

- Другого честного нет.

Марта усмехнулась, и в этой усмешке впервые стало видно, что до смерти мужа она была не только испуганной женщиной с файлом. Она могла быть злой, неудобной, резкой. Просто горе временно сделало её официально понятной.

- Он оставил мне ещё одну вещь, - сказала она.

- Когда собирались сказать?

- Когда перестала бы бояться, что вы отдадите её следователю.

Паша тихо сказал:

- Я здесь.

- Вот поэтому и боялась.

Надя почти улыбнулась. Почти.

Марта достала из сумки маленький бумажный пакет из аптеки. В нём лежал старый пластиковый брелок, круглый, с облезшей синей вставкой. На вставке было написано ручкой: «С55-2».

- Он был в банке с крупой. Илья всегда прятал важное в еду. Говорил, что архивы ищут в папках, а жена - в гречке.

- Садовая, пятьдесят пять, второй двор, - сказал Суханов.

Марта кивнула.

- Там ещё ключ. Не от квартиры. Маленький. От ящика или шкафа.

Морозов, которого подключили по видео, из динамика сразу сказал:

- Только не суйте его никуда, ради всего святого и моей нервной системы.

- Мы и не собирались, - сказал Суханов.

- Вы - нет. Но у вас лица людей, которые считают себя умнее замков.

Паша смотрел на брелок. Надя видела: он уже считал цепочку. Садовая - Лосев - серый пропуск - ночлежка - его имя. Из каждого узла торчала не улика, а роль.

Телефон Марты завибрировал.

Она вздрогнула слишком сильно. Достала экран, посмотрела и сразу побледнела.

- Что?

Марта показала Наде сообщение.

Лосева М. А.

Ваш статус близкого родственника по случаю Лосев И. А. уточнён.

Категория: супруга ограниченной достоверности.

Основание: конфликт и раздельное проживание.

Доступ к материалам: через доверенное лицо.

Ниже стояло имя:

Лазарев П. И.

- Они слышали, - сказала Марта.

- Не обязательно, - сказал Морозов из динамика. - Они могли знать раньше. А могли просто ждать, когда вы скажете вслух, чтобы событие стало живым. Системы любят, когда человек сам приносит свою петлю.

- Я не приносила.

- Принесли. Все приносят. Не потому что дураки. Потому что живые.

Паша взял у Марты телефон.

- Разрешите?

Она посмотрела на него так, будто слово «разрешите» стало неприличным.

- Вы теперь всё через разрешение делаете?

Паша не обиделся. Или не показал.

- Я сейчас не доверенное лицо. Я следователь, который просит посмотреть источник.

- А если я откажусь?

- Тогда откажетесь.

Марта протянула телефон.

Паша сделал снимки уведомления, не заходя дальше. Потом отдал.

- Источник не ведомственный, - сказал он. - Похоже на подрядный контур.

- Название? - спросила Надя.

- «Аргус-Доступ».

Суханов тихо выругался.

- Знаешь?

- Видел в старых материалах по Северу. Они тогда назывались иначе. Обслуживали не людей. Обслуживали входы.

- Где сидели?

- Угадайте.

Надя посмотрела на брелок.

- Садовая, пятьдесят пять.

Морозов в динамике сказал:

- Дом с башней, второй двор. У меня по этому адресу всплыло три старых арендатора, две ликвидированные конторы, одна благотворительная прокладка и один кабинет временных полномочий. Красиво, аж тошнит.

- Едем? - спросил Паша.

- Нет, - сказала Надя.

Он повернулся к ней.

- Почему?

- Потому что если едем мы все, это группа заинтересованных лиц. Если едешь ты, доверенное лицо активно. Если еду я, нарушаю внешнее сопровождение. Если едет Марта, супруга ограниченной достоверности пытается получить доступ. Они уже написали нам роли.

- Значит, кто?

Надя посмотрела на Суханова.

Тот понял и не обрадовался.

- Старый, толстый и формально посторонний?

- Старший, тяжёлый и пока не назначенный.

- Ласка у тебя, Климова, как в камере предварительного заключения.

- Зато честная.

Суханов взял брелок через салфетку.

- Один не пойду. Возьму Риту.

Из динамика Рита сказала:

- А меня кто спросил?

- Ты же сама хотела ларёк. Начинать с выездной торговли.

Надя почувствовала, как на секунду в комнате стало почти живо. Не легко. Просто живо.

Это быстро прошло.

Потому что телефон Паши снова дал короткий системный толчок.

Лазарев П. И.

Доверенное лицо по случаю Лосев И. А. активировано повторно.

Причина: запрос супруги ограниченной достоверности.

Рекомендуемое действие: принять временное ведение материалов.

Ниже, отдельной строкой:

При отказе материалы будут переданы резервному доверенному лицу.

Паша поднял глаза на Надю.

- Резервному?

Морозов уже стучал по клавиатуре у себя.

- Сейчас посмотрим, кто у нас резервный счастливчик.

На экране у Паши появилась новая строка раньше, чем Морозов успел найти.

Резервное доверенное лицо: Климова Н. А.

Марта тихо сказала:

- Они хотят, чтобы вы отвечали за его смерть вместе.

Надя смотрела на своё имя в чужой роли и впервые за день не нашла даже чёрной шутки.

Глава 8. Садовая, пятьдесят пять

Садовая, пятьдесят пять ночью выглядела так, будто дом сам давно устал от того, что его фотографируют.

Башня уходила в мокрую темноту, красноватая крыша казалась почти чёрной. Провода над перекрёстком висели низко, как натянутые нервы. Асфальт блестел пусто. Даже машины проходили мимо осторожнее, будто знали, что здесь лучше не задерживаться. На углу ещё светила вывеска столовой, но внутри никого не было. Столы стояли перевёрнутыми на стульях. Стекло отражало Суханова с таким видом, будто город вернул ему его собственную усталость.

- Люблю архитектуру, - сказала Рита, застёгивая куртку до горла. - Снаружи красиво, внутри крысы и юридические лица.

- Не оскорбляй крыс, - сказал Суханов.

Они пошли во второй двор.

Надя осталась в машине через квартал, хотя всё в ней сопротивлялось этому решению. Паша сидел рядом. Марта - сзади, между ними и своей потерей. Машина была чужая, взятая через знакомого Суханова, без привычных следов, без камер в салоне, с печкой, которая грела только когда хотела. Внутри пахло старым бензином, влажной тканью и бумажным пакетом из аптеки, где уже не было брелока.

- Ты ненавидишь сидеть, - сказал Паша.

- Ненавижу, когда ты говоришь очевидное.

- Подтверждаю факт.

Она посмотрела на него.

Он не улыбался.

- Не сейчас.

- Сейчас особенно.

Марта молчала. Она смотрела в окно на башню и держала телефон двумя руками. После статуса «супруга ограниченной достоверности» она стала как человек, которого выгнали не из комнаты, а из собственной биографии.

В наушнике щёлкнул Суханов.

- Второй двор. Дверь старая. Кодовый замок новый. Рита, не трогай.

- Я врач, не идиот.

- Иногда профессии пересекаются.

- Суханов, я тебя вскрою без очереди.

Надя закрыла глаза. Их бытовая ругань держала мир на уровне, где ещё можно было дышать.

Потом щёлкнул другой звук.

Рита сказала уже иначе:

- Тут камера.

- Где?

- В кнопке домофона. Маленькая. Смотрит не на входящего, а на руку.

Паша напрягся.

- На руку с ключом.

- Да.

Надя открыла глаза.

- Суханов, не вставляй.

- Да понял я.

- Не просто не вставляй. Отойди от двери.

Пауза.

- Отошёл.

Морозов, подключённый третьим каналом, спросил:

- Что у вас там?

- Камера в домофоне, - сказала Надя. - Смотрит на руку.

- Прекрасно. Значит, если ключ поднесёт Суханов, через пять минут у нас будет событие: неизвестное лицо по поручению Климовой активировало доступ. Если ключ поднесёт Рита - медицинский эксперт вмешался в материалы. Если ключ поднесёт дворник - дворник станет соучастником эпохи.

- Как открыть?

- Никак.

- Морозов.

- Я не шучу. Не открывать ключом. Ищите живого человека.

Рита тихо сказала:

- У нас живой человек.

Из глубины двора вышел мужчина в рабочей куртке. Невысокий, широкоплечий, с лицом ночного охранника, который давно перестал задавать вопросы, потому что ответы хуже. В руке у него был пластиковый стаканчик. Кофе или чай. Что-то тёмное.

- Вам кого? - спросил он.

Суханов шагнул так, чтобы не закрывать камеру рукой.

- Кабинет временных полномочий здесь был?

Мужчина посмотрел на него, на Риту, на пустой двор, потом на камеру в домофоне.

- Не знаю такого.

- А что знаете?

- Что ночью умные люди домой идут.

- Я старый, мне можно быть тупым.

Рита фыркнула.

Мужчина не улыбнулся.

- Там уже всё вывезли.

Суханов не двинулся.

- Когда?

- Сегодня днём. Две машины. Коробки, шкаф металлический, принтеры. Сказали, архивная уборка.

- Кто сказал?

- Женщина.

- Какая?

- Вежливая.

Надя в машине открыла глаза полностью.

Паша тихо произнёс:

- Волкова?

- Нет, - сказала Надя. - Волкова бы не пришла сама.

В наушнике Суханов спросил:

- Имя?

- Да откуда мне. Волосы светлые, пальто бежевое. Говорила так, будто я ей должен за то, что она не ругается.

- Мерцалова, - сказал Паша.

Марта резко подняла голову.

- Кто?

- Исполнитель. Районная. Она была в морге.

Охранник сделал глоток из стаканчика.

- Она оставила конверт. Сказала, если придут, передать доверенному лицу.

- Кому? - спросил Суханов.

Охранник пожал плечами.

- Кто ключ принесёт, тому и доверенному.

Рита тихо сказала:

- Вот сука.

Надя вышла из машины.

Паша успел схватить её за рукав.

- Надя.

- Не держи.

Он отпустил сразу. Это было хуже, чем если бы удержал.

- Ты нарушаешь.

- Подтверждаю.

- Не мою трактовку?

- Не твою.

Она перешла дорогу под дождём. Машина с мокрым шипением прошла слишком близко, водитель посигналил, но Надя даже не повернула голову. Во втором дворе было холоднее. Стены держали влагу, как старые показания.

Суханов увидел её и сказал только:

- Дура.

- Тоже рада.

Охранник посмотрел на неё внимательнее.

- Вы Климова?

Рита выругалась уже без юмора.

Надя остановилась.

- Откуда знаете?

- В конверте написано.

Он достал из внутреннего кармана серый почтовый пакет. На пакете была наклейка.

Передать Климовой Н. А. лично.

При отсутствии - доверенному лицу.

Ниже, мелко:

Отказ от получения считается согласием на передачу доверенному лицу.

Суханов протянул руку.

Надя качнула головой.

- Не надо.

- Климова.

- Они хотят, чтобы ты принял вместо меня. Или Паша. Или Марта. Или кто угодно. Хватит.

Она взяла пакет сама.

В этот момент телефон Паши в машине завибрировал. Потом телефон Нади. Потом телефон Марты.

Один звук, три разных устройства.

Надя не открыла свой. Она уже знала, что там будет.

Паша вышел из машины и прочитал вслух, потому что молчание стало бы хуже.

Климова Н. А.

Самостоятельное получение материалов зафиксировано.

Ограничение внешнего сопровождения нарушено.

Доверенное лицо уведомлено.

На телефоне Паши строка была другая.

Лазарев П. И.

Объект совершил самостоятельное действие повышенного риска.

Подтвердите необходимость ограничения.

На телефоне Марты - третья.

Лосева М. А.

Супруга ограниченной достоверности присутствует при нарушении.

Доступ к материалам приостановлен.

Рита посмотрела на охранника.

- А вам что пришло?

Тот медленно достал свой старый телефон. На экране светилась короткая строка.

Передача выполнена.

Вознаграждение подтверждено.

- Понятно, - сказала Рита. - Дворник тоже вошёл в историю.

- Я не дворник, - сказал он глухо.

- Сегодня все не те, кем числятся.

Надя вскрыла пакет прямо во дворе. Внутри лежала папка на завязках. Старая, картонная, с выцветшим штампом «личное». На обложке было написано:

Климова Н. А.

Первичный доверенный доступ.

Под штампом - дата.

2009.

Надя почувствовала, как двор качнулся. Не сильно. Просто на секунду пропала глубина.

Паша шагнул ближе.

- Что там?

Она открыла папку.

Первый лист был заявлением. Почерк знакомый. Не её. Не Пашин. Не Костин.

Мария Сергеевна Климова.

Надя не сразу прочитала текст. Глаза зацепились за подпись матери и остались там, как пальцы за край льда.

Суханов тихо сказал:

- Не может быть.

- Может, - сказала Надя. Голос вышел чужой.

В заявлении было всего четыре строки.

В случае утраты мной возможности личного участия прошу считать моим доверенным контактным лицом Климову Надежду Александровну.

Передача доступа допускается только через живое подтверждение.

Без участия третьих лиц.

Дата стояла за месяц до официальной смерти Марии.

Надя перевернула лист.

На обороте была свежая печать.

Архивная роль восстановлена.

Доверенное лицо по Марии Климовой: Климова Н. А.

Передача роли: ожидается.

Ниже новая строка, красная.

Следующий получатель: Лазарев П. И.

Паша сказал:

- Нет.

Система в его телефоне ответила раньше любого живого.

Передача роли иницирована объектом.

Ожидается подтверждение доверенного лица.

Надя стояла под дождём с мокрой папкой в руках и впервые поняла, что Лосев принёс не чужую роль к её двери.

Он принёс старую материнскую дверь, которую кто-то открыл заново.

Глава 9. Материнская дверь

Папка на завязках разбухла от дождя у Нади в руках. Картон темнел по краям, красная печать на обороте расплывалась, будто сама стыдилась того, что ещё минуту назад выглядела официально.

Паша стоял рядом и не смотрел на неё. Он смотрел на собственный телефон. На экране висела строка, которая уже успела стать для них привычной, почти бытовой, как плохая погода.

Передача роли инициирована объектом.

Ожидается подтверждение доверенного лица.

- Объектом, - сказал Морозов. - Я люблю, когда люди становятся мебелью прямо в интерфейсе. Очень удобно. Можно переставлять без спроса.

- Я ничего не инициировала, - сказала Надя.

- Для живых людей это аргумент, - ответил он. - Для системы - эмоциональный шум.

Суханов прикрыл папку ладонью от дождя. Жест получился грубый, почти домашний. Он будто накрыл не бумагу, а лицо мёртвой женщины.

- Внутри, - сказал он. - Здесь нас сейчас снимет каждый фонарь.

Они вернулись в подвал Морозова уже не бегом, но быстро. Мокрый картон положили на чистый лист бумаги, как тело на простыню. Рита не стала шутить. Только сняла перчатки, достала новые и сказала:

- Не трогать без меня.

- Это не труп, - сказал Морозов.

- Сегодня всё труп, если из него можно сделать вывод.

Надя отошла к стене. Ей хотелось курить, хотя она давно почти не курила. Хотелось ударить ладонью по бетонной стене, чтобы боль была проще, чем бумага с почерком матери. Хотелось спросить у Суханова, знал ли он. Не спросила. Его лицо уже отвечало: не знал. Или знал не это. В их мире разница часто была тоньше кожи на костяшках.

Паша положил свой телефон на стол экраном вверх.

- Я отказываюсь принимать роль.

- Не вслух, - сказал Морозов. - Вслух у нас всё красиво. Им нужно действие.

- Я уже отправлял действие.

- И получил ответ, что отсутствие ответа считается риском. Ты теперь не человек с волей, а канал с задержкой.

Паша посмотрел на Надю.

- Я не буду.

- Я знаю.

- Нет. Ты не знаешь. Они сейчас начнут считать мой отказ способом защитить тебя. Потом это станет согласием. Потом ограничением. Потом ты проснёшься и выяснишь, что я подписал за тебя воздух.

- Я знаю, - повторила Надя.

Он хотел ещё что-то сказать, но сдержался. Между ними легла папка Марии, и это было почти неприлично. Мёртвые не должны вмешиваться в разговоры живых так прямо. Но мёртвые в этой серии давно не имели хороших манер.

Рита разложила листы. Первый - заявление Марии. Вторым - оборот со свежей печатью. Третий обнаружился внутри обложки, приклеенный старой бумажной полоской. Лист был тонкий, серый, почти прозрачный. На нём не было подписи. Только машинописный текст и штамп, который Надя сначала не узнала.

Северный межрайонный центр сопровождения.

Отдел временного представительства.

Садовая, 55.

- О, - сказал Морозов. - Башня.

Марта сидела на стуле у батареи, уже не прижимая руки к коленям. Она смотрела на этот адрес так, будто он вышел из стены и сел напротив.

- Илья говорил, что там старый контур, - сказала она. - Не архив. Не ведомство. Место, где роли переходят, если у человека нет голоса.

- У мёртвых его обычно нет, - сказала Рита.

- У живых тоже не всегда, - ответила Марта.

Надя подняла третий лист. Текст был сухой, безличный, старый, но внизу краснела новая служебная отметка.

Живое подтверждение не найдено.

Роль подлежит восстановлению по связанному доверию.

- Вот, - сказал Морозов. - Они нашли дырку. Мария написала «только через живое подтверждение». Они отвечают: живое подтверждение не найдено, значит надо восстановить через связанное доверие. Бюрократическая акробатика. Если бы у меня была вера в человечество, она бы сейчас умерла повторно.

- Это не дырка, - сказала Надя.

Все посмотрели на неё.

Она снова перечитала четыре строки Марии. Почерк был ровный, но на слове «живое» нажим стал сильнее. Бумага чуть продавлена. Мария тогда ещё была жива, зла, умна и, судя по нажиму, очень хорошо понимала, от чего закрывает дверь.

- Она не передавала роль, - сказала Надя. - Она запрещала передачу без живого человека.

- Они это и перевернули, - сказал Паша.

- Нет. Не только. Они сделали из запрета маршрут.

Суханов потёр лицо ладонью.

- То есть твоя мать написала, что без третьих лиц.

- А они решили, что если третьего лица нет, его можно назначить.

Морозов тихо присвистнул.

- Я ненавижу, когда у мерзавцев хорошая логика.

Телефон Паши снова ожил.

Отказ доверенного лица зафиксирован.

Риск объекта повышен.

Рекомендуемое действие: временное ограничение самостоятельного доступа.

Подтвердите ограничение.

Паша не нажал. Даже не взял телефон. Только смотрел на Надю, и в этом взгляде была самая опасная вещь, которую система могла забрать: человек действительно был готов остановить её, если решит, что иначе она погибнет.

Надя отвела глаза первой.

- Не смотри так.

- Как?

- Как нормальный.

Он усмехнулся. Плохо.

- Поздно.

Морозов прокрутил журнал. Потом замер.

- У нас новая строка.

- По Паше?

- По Марии.

На экране открылся короткий журнал восстановления. Дата. Время. Источник. Подпись оператора. Большая часть строк была затёрта, но одна осталась видимой.

Живое подтверждение запрошено.

Канал: голосовой архив.

Файл: МК-09-17.

Статус: ожидает прослушивания доверенным лицом.

Надя очень медленно села.

Рита выругалась первой.

- Нет.

Паша сказал то же слово, но тише.

- Нет.

Система не ждала их согласия. На телефон Паши пришёл новый запрос.

Лазарев П. И.

Для принятия или отказа от роли прослушайте живое подтверждение Марии Климовой.

Под кнопкой стояла строка мелким шрифтом.

Отказ от прослушивания будет учтён как отсутствие возражений.

Надя засмеялась. Один раз. Сухо, без звука почти.

- Они научились делать даже молчание семейным.

Паша положил ладонь на телефон, закрывая экран.

- Я не включу.

- Включишь, - сказала Надя.

Он резко поднял голову.

- Нет.

- Включишь. Но не один. И не потому что они хотят. Потому что если там мать, я должна знать, что они с ней сделали.

Суханов сказал:

- Надя.

- Не начинай.

- Я не отговариваю.

Она посмотрела на него.

Суханов стоял рядом с папкой Марии и выглядел старше, чем час назад.

- Я говорю: протокол. Свидетели. Запись. И сразу копии. Не давай им сделать это твоей личной болью. Личная боль у них лучше всего оцифровывается.

Рита взяла диктофон.

- Слушаем один раз. Если там слезодавилка, я выключу. И мне плевать на юридическое значение.

Морозов подключил телефон Паши к изолированному экрану. Его пальцы двигались быстро, зло и осторожно.

- Запускаю без передачи меток. Насколько возможно. Если они зашили туда что-то ещё, я буду орать. Если не зашили, тоже буду, для профилактики.

На экране появилась чёрная плашка.

МК-09-17.

Живое подтверждение.

Паша не дышал. Надя тоже.

Файл включился.

Сначала был шум. Старый, плоский, магнитный. Потом голос Марии.

Не слезливый. Не ласковый. Усталый.

- Если это когда-нибудь включили при Наде, значит вы уже нарушили главное. Я не давала ей доступ к себе. Я оставляла ей право закрыть за мной дверь.

Паша закрыл глаза.

Надя смотрела в чёрный экран.

Голос Марии хрипнул, будто запись была сделана после долгого разговора или крика.

- И если рядом с ней сейчас кто-то живой, не становитесь её рукой. Рука - это то, что легче всего забирают.

Запись оборвалась.

На экране появилась новая строка.

Живое подтверждение прослушано.

Передача роли возможна.

В подвале стало так тихо, что было слышно, как по батарее идёт позднее тепло.

Надя сказала:

- Они услышали запрет и засчитали его как разрешение.

Морозов посмотрел на неё.

- Вот теперь действительно башня.

Глава 10. Садовая, 55

Дом на Садовой, пятьдесят пять ночью выглядел так, будто его построили не для людей, а для углов. Башня поднималась над перекрёстком мокрой, тёмной костью. Провода тянулись к ней со всех сторон, как нервы к больному месту. Фасад после дождя блестел неровно, окна светились выборочно: здесь кто-то ещё работал, здесь кто-то делал вид, что просто задержался, здесь в половине первого ночи существовал учрежденческий порядок, который не нуждался в вывеске.

Надя стояла через дорогу и смотрела на верхние этажи.

- Красивое место, - сказала Рита. - Очень подходит для того, чтобы портить людям жизнь с видом на культурное наследие.

- Ты с нами не идёшь, - сказал Суханов.

- С чего это?

- С того, что ты нужна по телу Лосева.

- Тело никуда не убежит.

- А документы могут.

Рита хотела ответить грубо, но посмотрела на Надю и промолчала. Иногда это у неё получалось страшнее мата.

Паша стоял чуть в стороне. После записи Марии он стал тише. Не слабее. Просто из него убрали лишнее движение. Он не подошёл к Наде, не попытался коснуться, не сказал «как ты». Всё это сейчас было бы подарком для чужого протокола.

- Внутри кто? - спросил Морозов через гарнитуру. Сам он остался в машине за квартал, с ноутбуком на коленях и выражением человека, который предпочёл бы вскрывать старый холодильник с трупом, чем сеть этого дома.

- Я и Паша, - сказала Надя.

- Плохая идея.

- Поэтому и работает.

- Она не работает. Она просто уже началась, а вы делаете вид, что это план.

Суханов тихо кашлянул.

- Я зайду через пять минут. Не раньше.

- Если мы не выйдем?

- Тогда раньше.

Марта осталась в машине. Она хотела идти, но Надя сказала нет. Не потому что жалела. Потому что Марта сейчас была слишком хорошим документом: вдова, жена ограниченной достоверности, человек, которому можно задать один правильный вопрос и получить десять неправильных последствий.

Вход в дом оказался не парадным. Сбоку, под аркой, железная дверь с маленькой табличкой.

Центр временного представительства.

Приём по предварительному запросу.

Надя нажала кнопку домофона. Не звонила. Просто нажала. Почти сразу щёлкнул замок.

- Вот это гостеприимство, - сказал Паша.

- Не расслабляйся. Нас тут ждали ещё до того, как мы решили прийти.

Внутри пахло мокрой штукатуркой, дешёвым кофе и новым пластиком. Старый дом пытались сделать современным, и от этого он стал ещё более старым. На стенах висели указатели: «кабинет согласования», «зал ожидания», «комната живого контакта», «архив ролей». Слова были нейтральные, но рядом с ними всё равно хотелось говорить тише.

У стойки сидела женщина лет пятидесяти. Седые волосы гладко убраны, очки на цепочке, мягкая кофта цвета пепла. Она подняла глаза и улыбнулась так, как улыбаются в поликлинике перед тем, как сказать, что талонов больше нет.

- Надежда Александровна. Павел Игоревич. Мы вас ожидали.

- Не сомневаюсь, - сказала Надя. - Кто вы?

- Черкасова Анна Михайловна. Дежурный координатор центра.

- Звучит безопасно.

- Мы стараемся, чтобы людям было не страшно.

Паша посмотрел на коридор за её спиной.

- Поэтому у вас комната живого контакта?

Черкасова мягко повернулась к нему.

- Иногда человеку нужно, чтобы рядом был тот, кто имеет право подтвердить его волю. Это не всегда родственник. Не всегда супруг. Не всегда тот, кого человек любит. Иногда это тот, кому поверят.

- А если человеку самому не верят?

- Тогда мы помогаем оформить его волю так, чтобы она была услышана.

- У вас хорошо получается менять глаголы, - сказала Надя.

- Это моя работа.

Черкасова не обиделась. В таких людях обида была заменена инструкцией.

Она положила на стойку планшет.

- Для прохода необходимо подтвердить цель визита.

На экране светились варианты.

Принятие роли.

Оспаривание роли.

Передача роли.

Сопровождение объекта.

Паша усмехнулся.

- Варианта «поговорить как люди» нет?

- У нас учреждение, Павел Игоревич.

- Заметно.

Надя нажала «оспаривание роли». Экран спросил, от чьего имени подано оспаривание. Она посмотрела на Пашу.

- От моего.

- Вам понадобится доверенное лицо, - сказала Черкасова.

- Он рядом.

Паша не шелохнулся.

Черкасова перевела взгляд на него.

- Вы подтверждаете сопровождение Климовой Надежды Александровны?

- Подтверждаю факт присутствия рядом, - сказал Паша. - Не полномочия действовать за неё.

Улыбка Черкасовой стала чуть тоньше.

- Это будет отражено.

- Я на это и рассчитываю.

Она провела их по коридору. Двери были одинаковые, серые, с маленькими окнами. За одним окном сидел старик и плакал беззвучно, пока молодой мужчина держал перед ним телефон. За другим женщина что-то подписывала, а рядом с ней стояла девочка лет пятнадцати с выражением взрослой злости. В третьем кабинете пустой стул стоял перед камерой.

Надя не задерживалась, но видела всё. Такие места всегда кормились тем, что люди в них приходили уже уставшими. Сломанные, перепуганные, виноватые, с чужим словом «надо» в голове. Им предлагали не зло. Им предлагали порядок.

Черкасова открыла кабинет с табличкой «архив ролей». Внутри было тепло, сухо и слишком чисто. На столе стояла лампа, лежали перчатки, папка и тонкая карточка с красным краем.

- Ваш материал подготовлен.

- Какой именно? - спросила Надя.

- По линии Климова - Лазарев. Дополнительно связан случай Лосева.

- Удобно.

- Связанные случаи помогают не потерять контекст.

- Контекст вы обычно режете на куски и складываете в новые коробки.

Черкасова впервые посмотрела на Надю не как на клиентку. Как на проблему.

- Вы любите резкие формулировки.

- Я люблю живых людей.

- Это иногда мешает им.

Паша медленно повернул голову.

- Повторите.

Черкасова не повторила.

Она открыла папку. Внутри лежала копия заявления Марии, копия оборота с восстановлением роли и третий лист, которого у них не было.

Акт живого контакта.

Климова Н. А.

Дата явки: 12.11.2026.

Время: 09:12.

Сопровождающее лицо: не установлено.

Цель: оспаривание с передачей.

Надя смотрела на дату.

- Сегодня двенадцатое?

- Да.

- В девять двенадцать я была в Дровяном. У меня камера у подъезда, соседка, два звонка и Морозов, который матерился по видео.

- Мы не утверждаем, что вы были здесь физически, - сказала Черкасова.

Паша медленно выдохнул.

- Тогда что вы утверждаете?

- Что ваша воля была доставлена.

Надя почти улыбнулась.

- Курьером?

Черкасова не оценила.

Она повернула к ним планшет. На экране был снимок из коридора этого же центра. Женщина в тёмном пальто, со спины, волосы собраны низко, плечо чуть опущено. Лица не видно. Но силуэт был Надин достаточно, чтобы любой, кто хотел поверить, поверил бы.

В правом нижнем углу стояла отметка.

Воля объекта принята через доверенную доставку.

- Это не я, - сказала Надя.

- Мы и не требуем от вас признания, - мягко ответила Черкасова. - Мы фиксируем спорность.

- А пока спорим, роль идёт дальше.

- Пока спорим, объект нуждается в сопровождении.

Паша взял планшет и увеличил снимок. Не лицо. Не фигуру. Край рукава. На запястье женщины была тонкая красная нитка.

Надя таких не носила.

- Марта, - сказал он.

Надя не сразу поняла. Потом вспомнила: рыжеватые волосы, неправильно застёгнутое пальто, тонкая красная нитка на запястье, которую Марта крутила, когда говорила о Лосеве.

Черкасова закрыла планшет.

- Прошу вернуть устройство.

Паша не отдал.

В коридоре щёлкнула дверь. Потом ещё одна.

Морозов в ухе сказал:

- Ребята, у вас там что-то включилось. Не сеть. Сигнал тревоги. Очень тихий, мерзкий и, кажется, законный.

Суханов вошёл через пять минут, как обещал.

Но в журнале центра его вход уже стоял сорок минут назад.

Глава 11. Чужая явка

Суханов появился в коридоре с мокрым воротником и лицом человека, которого уже записали туда, где он ещё не был.

- Что? - спросил он, увидев их.

Паша повернул к нему экран.

Игорь Михайлович Суханов.

Вход: 00:43.

Цель: служебное сопровождение объекта.

Статус: подтверждено.

Суханов прочитал, потом посмотрел на Черкасову.

- Девушка, я зашёл только что.

- Я не девушка, - сказала она спокойно. - И у нас стоит ваша регистрация.

- Тогда у вас стоит херня.

- Ваше несогласие будет отражено.

- Отражайте крупно.

Надя заметила, что в коридоре стало больше людей. Не охрана в прямом смысле. Служащие. Два мужчины у двери, женщина с папкой у стойки, молодой парень возле стенда с инструкциями. Все стояли так, будто случайно оказались рядом, но свободного выхода почему-то не осталось.

Черкасова не повышала голос.

- В связи с множественными спорными действиями предлагаю пройти в комнату живого контакта.

- Кому? - спросила Надя.

- Всем связанным лицам.

- Я не пойду.

- Вы вправе отказаться.

- И это будет чем?

- Отсутствием живого контакта.

Морозов в ухе сказал:

- Я нашёл их внешний шлюз. Он тупой, как подъездный домофон, только с юридическим образованием. У них не входы, а явки. Физическая, цифровая, доставленная, представительская. Если кто-то принёс вашу волю, они считают, что вы явились.

- Кто принёс Марту? - тихо спросила Надя.

- Не кто. Чем. Серый пропуск Лосева.

Паша не повернул головы.

- Повтори.

- Пропуск Лосева использовали как доставщика воли. Не носитель доступа, а носитель явки. Это прямо отдельный тип. Боже, я ненавижу этих людей как вид.

Надя посмотрела на Черкасову.

- Серый пропуск у вас.

- Если предмет находится в учреждении, это не значит, что он у нас, - сказала та.

- Очень красивая фраза. Её надо выбить над входом в ад.

Суханов сделал шаг вперёд. Один из мужчин у двери сразу напрягся.

- Спокойно, - сказал Паша.

- Это ты мне?

- Да.

- Плохо начинаешь роль доверенного лица.

Паша побледнел, но ответил не сразу. Надя увидела, как фраза попала. Суханов тоже увидел и поморщился.

- Извини.

- Потом.

Надя не дала Черкасовой увести их в комнату. Она сама пошла к двери с табличкой «живой контакт». Иногда единственный способ не быть ведомой - идти первой. Паша был рядом, Суханов за спиной. Рита в ухе, через Морозова, материлась тихим фоном, как плохая радиостанция.

Комната оказалась маленькой, без окон. Стол, три стула, камера под потолком, микрофон, коробка с бумажными платками и стаканчики с водой. Именно в таких комнатах государство и подрядчики притворялись, что понимают слабость.

На столе уже лежали три карточки.

Климова Н. А. - объект.

Лазарев П. И. - доверенное лицо.

Суханов И. М. - служебный сопровождающий.

Надя взяла свою карточку и положила её лицом вниз.

- Я не объект.

Черкасова вошла следом.

- В данном процессе это обозначение статуса, а не оценка личности.

- Это всегда так начинается.

Паша взял свою карточку. Посмотрел. Не положил.

- Ваша цель? - спросила Черкасова.

- Оспорить роль.

- Основание?

- Я её не принимал.

- Роль может возникнуть не только из принятия.

- Знаю. Из молчания, отказа, чужой явки, старого доверия и того, что у вас в голове вместо совести.

Суханов хмыкнул.

Черкасова чуть наклонила голову.

- Агрессия связанного лица будет учтена.

- Учтите ещё, что я устал.

- Усталость не отменяет полномочий.

- У меня их нет.

- У вас есть достоверность.

Это прозвучало очень тихо. И очень точно. Паша замолчал.

Надя поняла, что Черкасова пришла не спорить с ним. Ей не нужен был его юридический ответ. Ей нужна была его форма: человек, которому верят больше, чем Наде, потому что он не кричит, не ломает чужие кабинеты и умеет говорить ровно, даже когда его режут.

- Павел Игоревич, - сказала Черкасова, - подтвердите, что Климова Надежда Александровна способна принимать решения, создающие риск для себя и третьих лиц.

Паша медленно поднял глаза.

- Способна.

Надя не дёрнулась. Только пальцы под столом сжались.

Черкасова кивнула.

- Подтвердите, что вы лично в предыдущих связанных случаях принимали решения, чтобы ограничить последствия её действий.

- Подтверждаю.

- Подтвердите, что ваше участие рядом с ней снижало риск.

Пауза стала длинной.

Морозов в ухе выругался.

Паша сказал:

- Подтверждаю.

Черкасова впервые позволила себе почти человеческое удовлетворение.

- Следовательно, временное сопровождение объективно необходимо.

- Нет, - сказал Паша.

- Вы только что подтвердили все основания.

- Я подтвердил факты. Не вашу конструкцию.

- Конструкция следует из фактов.

- Только если выбросить волю Климовой.

- Воля Климовой спорна.

- Спорность воли не даёт вам мою.

Черкасова перестала улыбаться.

Надя посмотрела на Пашу и впервые за всю ночь поняла, что он действительно вошёл в новую роль. Не ту, которую ему дали. Свою. Раньше он защищал её от внешнего удара. Теперь он защищал границу между фактом и правом действовать.

Дверь комнаты открылась без стука.

Вошёл мужчина в сером пиджаке. Невысокий, сухой, с очень чистыми руками. Надя сразу не любила таких рук. Они говорили: человек редко делает грязь сам, но хорошо знает, куда её деть.

- Простите, Анна Михайловна, - сказал он. - Материал по Лосеву нужно закрывать сейчас.

Черкасова повернулась к нему слишком резко для человека, который весь вечер был мягким.

- Мы в процессе.

- Процесс расширен.

Мужчина положил на стол лист.

Уточнение смерти Лосева И. А.

Заявитель: Марта Лосева.

Достоверность супруги: ограничена.

Доверенное лицо по сопутствующему случаю: Лазарев П. И.

Паша прочитал и побледнел.

Ниже стояла новая строка.

При отсутствии действия доверенного лица тело может быть передано по резервному согласию.

Рита в ухе сказала так тихо, что её почти не было слышно:

- Только попробуйте.

- Кому передано? - спросила Надя.

Мужчина посмотрел на неё.

- В распоряжение уполномоченного представителя.

- Имя.

Он молчал.

Суханов наклонился над столом.

- Имя.

Мужчина достал вторую страницу.

Уполномоченный представитель: Лосев И. А.

В комнате никто не сразу понял.

Морозов понял первым.

- Ох нет.

Надя смотрела на строку.

Лосев Илья Андреевич, мёртвый архивист, становился представителем собственного тела.

Черкасова сказала:

- Это невозможно.

Мужчина в сером пиджаке ответил:

- Это уже подтверждено.

Глава 12. Второе лицо

Рита приехала на Садовую быстрее, чем должна была, и это означало, что по дороге она нарушила всё, что могла нарушить без сирены.

Она вошла в центр через главный коридор, в мокрой куртке, с красным лицом и таким взглядом, что парень у стенда с инструкциями сам отступил к стене.

- Где тело? - спросила она.

Черкасова поднялась из-за стола в комнате живого контакта.

- Корнеева Римма Викторовна, ваше присутствие...

- Где тело, я спросила.

- Материал передаётся по процедуре.

- Тело не материал.

- В рамках дела...

Рита ударила ладонью по столу. Не сильно. Бумаги подпрыгнули.

- В рамках дела у вас сейчас судебный медик, который лично видел Лосева, лично фиксировал первичные данные и лично подпишет такую жалобу, что ваши рамки будете потом из задницы доставать. Где тело?

Мужчина в сером пиджаке посмотрел на Черкасову. Та уже не улыбалась. Мягкость с неё сошла, как вода с стекла. Под ней оказалась усталость и злость.

- Виктор Сергеевич, - сказала она. - Приостановите передачу.

- Оснований нет.

- Основание - спорность представителя.

- Представитель подтверждён.

- Представитель мёртв.

Виктор Сергеевич посмотрел на неё почти с жалостью.

- В системе он активен.

Рита тихо сказала:

- Я сейчас кого-нибудь убью и посмотрю, как вы будете активны.

Суханов положил ей руку на плечо. Она дёрнулась, но не сбросила.

Надя в этот момент думала не о Лосеве. Это было плохо, почти стыдно. Но мысль встала холодно и точно: если мёртвый Лосев мог представлять своё тело, то мёртвая Мария могла представлять свою волю. И если обе эти мёртвые роли уже активны, живые в этой схеме были только расходниками для подтверждения.

Паша думал о том же. Она видела по его лицу.

- Морозов, - сказал он в гарнитуру. - Кто такой Виктор Сергеевич?

- Секунду. У них тут половина людей подписана внутренними именами, как в плохой секте. Сейчас... Виктор Сергеевич Неверов. Юрист контура наследуемого представительства. Был в подрядчике по социальным случаям, потом в фонде сопровождения, потом исчез из открытых реестров. Очень люблю людей, которые исчезают из реестров и продолжают открывать двери.

Неверов услышал фамилию и впервые посмотрел не на Пашу, а в сторону потолка, туда, где мог быть микрофон.

- Незаконный сбор сведений, - сказал он.

- Запишите на меня, - ответил Морозов из телефона Нади. - Я коллекционирую.

Надя взяла лист с представителем Лосева.

- Зачем мёртвому представлять собственное тело?

Неверов ответил не сразу.

- Чтобы исключить злоупотребление со стороны заинтересованных лиц.

- Жены.

- В том числе.

Марта стояла в дверях. Она пришла за Ритой и услышала достаточно. Лицо у неё стало пустым.

- Он меня исключил? - спросила она.

Никто не ответил.

Неверов сказал:

- Не он. Его воля.

Марта усмехнулась. Сухо, почти по-Надиному.

- Вы хоть понимаете, как удобно у вас мёртвые хотят?

Надя подошла к ней.

- Марта.

- Нет. Пусть скажет. Илья не хотел, чтобы я видела его после смерти? Илья не хотел, чтобы я знала, куда его везут? Илья не хотел, чтобы я забрала его часы, его документы, его дурацкую кружку с трещиной? Всё Илья не хотел, да? А живой он почему-то боялся, что его телефон ответит за него.

Черкасова посмотрела на Неверова.

- Передачу нужно остановить.

- Вы превышаете.

- Нет, - сказала Черкасова. - Я наконец читаю.

Надя уловила это слово. Не «понимаю». Не «вижу». Читаю. В старом мире Корсаковой это слово означало больше, чем признание. Оно означало, что человек перестал смотреть на форму как на форму и увидел монтаж.

Неверов достал телефон.

Паша шагнул к нему.

- Не надо.

- Вы не уполномочены ограничивать мои действия.

- Зато я уполномочен быть проблемой.

- Павел Игоревич, ваш статус...

- Мой статус сейчас у вас из рук выпадет.

Неверов всё равно нажал кнопку.

Телефон Паши завибрировал.

Затем телефон Нади.

Потом телефон Суханова.

Даже старый аппарат Марты в кармане подал тонкий, жалкий звук.

На экране Паши появилось:

Лазарев П. И.

В связи с отказом от прямого действия назначено резервное доверенное лицо.

На экране Нади:

Климова Н. А.

Самостоятельный доступ приостановлен до контакта с резервным доверенным лицом.

На экране Суханова:

Служебное сопровождение объекта прекращено.

Основание: конфликт полномочий.

Марта посмотрела на свой телефон и сказала:

- У меня тоже.

Она показала экран.

Лосева М. А.

Доступ к телу супруга приостановлен.

Резервное доверенное лицо уведомлено.

- Кто? - спросила Рита.

Ответ пришёл не на их телефоны.

В коридоре центра щёлкнул замок входной двери.

Камера над стойкой мигнула. На экране у Черкасовой всплыла карточка нового посетителя.

Костянин К. О.

Исторический доверенный контакт.

Статус: активен.

Надя не сразу повернулась.

Она знала этот звук ещё до того, как увидела человека. Осторожные шаги по мокрой плитке. Пауза у порога. Тот самый способ входить, будто ты пришёл не в комнату, а в чужую ошибку.

Костя стоял у стойки в старой тёмной куртке. В руке он держал ключ с красной биркой.

Не копию.

Тот самый.

Он посмотрел на Надю, потом на Пашу, потом на карточку на экране.

- Мне пришло, что ты меня вызвала, - сказал он.

Надя не ответила.

Паша сделал шаг вперёд, но остановился. Сейчас любое движение рядом с ней могло стать чьим-то правом.

Костя поднял ключ.

- Я не хотел приходить. Потом увидел подпись.

- Чью? - спросила Надя.

Он протянул ей телефон.

На экране было старое уведомление в новом интерфейсе.

Запрос исторического доверенного контакта.

Инициатор: Климова М. С.

Получатель роли: Костянин К. О.

Цель: защита Климовой Н. А. от действий Лазарева П. И.

Надя смотрела на строку с именем матери.

Ключ с красной биркой слегка качался в руке Кости, и эта маленькая железная тяжесть вдруг стала страшнее всех экранов в комнате.

Неверов сказал тихо:

- Резервное лицо прибыло. Теперь процедуру можно продолжить.

Глава 13. Исторический контакт

Костя стоял у стойки, будто его поставили туда не люди, а старая ошибка. Куртка на плечах потемнела от дождя, волосы прилипли к виску, ключ с красной биркой лежал в ладони открыто, почти вызывающе. Он держал его не как вещь, а как признание. Неловкое, позднее, никому уже не нужное, но всё равно тяжёлое.

Надя смотрела на ключ и не могла заставить себя посмотреть Косте в лицо. Лицо было бы проще. Лицо можно было ненавидеть, жалеть, оттолкнуть, прочитать. Ключ не просил ничего. Он просто был. Маленькая железная деталь из того времени, когда ей казалось, что дом можно закрыть, если правильно повернуть руку.

На экране у Черкасовой горела карточка:

Костянин К. О.

Исторический доверенный контакт.

Статус: активен.

Неверов сразу выпрямился. В нём проснулось служебное облегчение человека, которому наконец дали нужный пункт инструкции. До этого он держался на голосе, телефоне и процедуре, а теперь процедура сама вошла в дверь, мокрая, живая, с красной биркой в руке.

- Константин Олегович, - сказал он мягко. - Прошу вас пройти для фиксации присутствия.

Костя посмотрел на него так, будто только сейчас заметил в комнате ещё одного человека.

- Я не к вам.

- Ваше присутствие уже зафиксировано.

- Тогда расфиксируйте.

Морозов негромко фыркнул из динамика. Он всё ещё сидел в своём подвале, но его голос шёл через телефон Нади так близко, будто он стоял у неё за плечом.

- Хорошее слово. Надо будет написать на двери: «Здесь расфиксируют вашу жизнь за отдельную плату».

Неверов не обратил внимания.

- Вам направлен запрос исторического доверенного контакта. Вы прибыли. Процедура продолжается.

Костя сжал ключ. Красная бирка дрогнула.

- Мне пришло имя Марии.

Надя всё-таки подняла взгляд.

- Не имя, - сказала она.

Он кивнул. Виновато. Слишком быстро.

- Я знаю.

- Не знаешь.

- Надя...

- Не произноси сейчас.

Паша стоял справа, на полшага ближе, чем нужно было для спокойной комнаты, и на полшага дальше, чем хотелось бы ему. После всего, что они прошли, расстояния между людьми уже не были личным делом. Их можно было измерять, вписывать в карту, делать выводы. Паша это понимал. Поэтому не касался её. Поэтому не заслонял. Поэтому выглядел сейчас почти чужим.

Неверов положил на стойку планшет.

- Константин Олегович, вам необходимо подтвердить, что вы получили уведомление.

- Необходимо кому?

- Процедуре.

- Процедура пусть идёт нахер.

Рита впервые за последние минуты улыбнулась. Улыбка вышла тонкая, нехорошая.

- Мне начинает нравиться исторический контакт. Жаль, поздно.

- Не обольщайся, - сказала Надя. - У нас тут все нравятся ровно до первой подписи.

Костя вздрогнул. Не от фразы. От того, что она попала точно туда, куда он сам не хотел смотреть.

- Я ничего не подписывал сегодня.

- Сегодня, - повторил Паша.

Это было не обвинение. Паша просто отметил слово, как отмечал в протоколе неверную дату или слишком гладкую формулировку. Костя повернулся к нему.

- Ты думаешь, я пришёл за ней?

- Я думаю, что за неё уже пришли тобой.

В комнате стало хуже. Не громче, не резче. Просто воздух как будто потерял часть кислорода.

Неверов быстро сказал:

- Прошу не создавать конфликта между доверенными лицами.

Суханов посмотрел на него с такой усталостью, что даже Рита промолчала.

- Мальчик, - сказал он, хотя Неверов мальчиком давно не был. - Ты сейчас ещё раз произнесёшь «доверенные лица» рядом с живой женщиной, я тебя лично вынесу на улицу и подтвержу, что поскользнулся.

- Игорь Михайлович, - сухо сказала Черкасова.

- Что?

- Если будете выносить, не по лестнице. Там камера.

Морозов добавил из телефона:

- И коврик скользкий. Потом правда поскользнётся, а мы запутаемся.

Надя почти услышала, как прежняя команда пытается удержать комнату привычным грубым ритмом: шутка, угроза, мат, служебная злость, техническое замечание. Всё это раньше помогало не провалиться. Теперь не помогало. Потому что посреди комнаты стоял Костя с ключом, а на экране висела её мать.

Климова М. С.

Инициатор.

Получатель роли: Костянин К. О.

Цель: защита Климовой Н. А. от действий Лазарева П. И.

Паша прочитал строку ещё раз. Лицо у него не изменилось, только нижняя челюсть стала жёстче.

- Они хотят поставить нас друг против друга.

- Нет, - сказала Надя. - Это слишком просто.

Она забрала телефон у Кости и увеличила экран. Под уведомлением мелким серым шрифтом стояло: «Запрос сформирован на основании ранее подтверждённого родительского ключа. Повторное согласие не требуется».

Рита наклонилась.

- Родительского ключа?

Суханов тихо выругался.

Надя посмотрела на него.

- Ты знаешь?

- Знал слово. Не эту дрянь.

Черкасова уже листала папку Марии. Серый лист без подписи лежал рядом, расплавленный, как кожа после вскрытия. На нём машинописная строка вдруг стала видна иначе.

В случае недоступности несовершеннолетней Н. А. Климовой право экстренного бытового доступа передаётся доверенному лицу по списку.

Список к приложению отсутствовал.

- Экстренный бытовой доступ, - сказала Надя. - Это ключ от квартиры.

- Первично - да, - ответила Черкасова. - Но формулировка шире. Бытовой доступ. Сопровождение. Получение. Передача. Ограничение действий в интересах лица.

- Мне было семнадцать, - сказала Надя.

Костя закрыл глаза.

- Я помню.

- Не надо.

- Я помню, кто принёс ключ.

Надя замерла.

- Кто?

Костя не сразу ответил. Он посмотрел на Суханова, потом на Пашу, словно пытался понять, кому здесь ещё можно не навредить.

- Не Мария. Мужчина. Из ваших. Тогда я не знал фамилию. Он сказал, что если с тобой что-то случится, я должен открыть дверь и вызвать помощь. Никаких документов мне не давали. Просто ключ. Просто просьба. Я был идиотом, Надь. Я думал, это забота.

- Фамилия? - спросил Суханов.

Костя покачал головой.

- Я узнал его позже. Не сразу. По телевизору. Уже в форме, в какой-то комиссии. Архипов.

Имя упало без звука. Внутри Нади что-то не удивилось. Усталость иногда становилась почти даром: она заранее знала, что новое страшное будет старым.

Паша медленно выдохнул.

- Архипов был в «Читателе».

- Архипов был раньше нас всех, - сказал Суханов. - Просто мы каждый раз узнаём это последними.

Неверов побледнел, но держался.

- Вы не можете на основании устных воспоминаний...

- Можем, - перебила Рита. - У нас вообще вся страна на основании устных воспоминаний живёт. Только обычно они почему-то ваши.

Надя вернула телефон Косте.

- Зачем ты пришёл?

Он проглотил слюну.

- Потому что после уведомления пришла вторая строка. Я не хотел показывать сразу.

- Конечно, - сказала Надя. - У нас же вечер доверия.

Костя не стал защищаться. Открыл экран. На нём было новое действие.

Исторический доверенный контакт активирован.

Следующий шаг: осуществить бытовой вход по адресу Климовой Н. А.

Срок исполнения: до 23:40.

Основание: риск воздействия со стороны Лазарева П. И.

Паша тихо сказал:

- Вот оно.

- Они хотят, чтобы Костя открыл мою квартиру, - сказала Надя.

- Не хотят, - ответил Морозов. - Они уже сделали так, что если он не откроет, это будет отказ доверенного лица от защиты. Если откроет - вход подтверждён. Если вы пойдёте с ним - добровольное принятие сопровождения. Если не пойдёте - риск. Какой милый зоопарк.

Неверов попытался забрать планшет со стойки.

Суханов положил на него ладонь.

- Рано.

- Это служебное устройство.

- Значит, послужит.

Черкасова посмотрела на Надю.

- Нужно ехать.

Паша резко повернулся к ней.

- Нет.

- Да, - сказала Надя.

- Это ловушка.

- Конечно.

- Тогда какого чёрта?

Она впервые за вечер посмотрела прямо на него.

- Потому что ловушка уже в моей квартире. Вопрос только в том, кто первым назовёт вход входом.

Костя сжал красную бирку так сильно, что костяшки побелели.

- Я не открою без тебя.

Надя взяла плащ со спинки стула.

- Откроешь. Но не для них.

Паша сделал шаг к двери и остановился. Не потому, что передумал. Потому что на его телефоне вспыхнул новый запрос.

Лазарев П. И.

Подтвердите отсутствие препятствий для бытового входа исторического доверенного контакта.

Кнопки было две.

Подтверждаю.

Препятствую.

Паша посмотрел на них и вдруг усмехнулся так зло, что даже Костя отвёл глаза.

- Удобно. Меня уже сделали дверной ручкой.

Надя сказала:

- Не нажимай.

- Нажму.

Она замерла.

Паша выбрал вторую кнопку.

Препятствую.

Экран подумал меньше секунды.

Действие принято.

Основание: конфликт доверенных лиц.

Самостоятельный доступ Климовой Н. А. ограничен до разрешения конфликта.

Внизу красным вспыхнуло:

Требуется третий представитель.

В подвале Морозова на дальнем мониторе сам собой открылся новый файл.

Климова Н. А.

Список возможных третьих представителей.

Первой строкой стояло:

Лосев И. А.

Статус: применим после смерти.

Глава 14. Квартира с правом входа

До Дровяного переулка ехали двумя машинами. Это было глупо, неудобно и правильно. В первой - Суханов за рулём, Надя рядом, Костя сзади, с ключом в кулаке. Во второй - Паша, Рита и Черкасова. Неверов остался в центре под Сухановым словом «сидеть», которое прозвучало так, что даже процедура не рискнула возразить. Морозов вёл их по связи и матерился каждый раз, когда мобильный интернет проседал на полсекунды.

Петербург за окнами был мокрый, чёрный, служебный. Ноябрь в городе всегда выглядел как плохая копия октября, только без надежды на просвет. У подъездов стояли люди в капюшонах, курили, прятали телефоны от дождя и смотрели на проезжающие машины с выражением тех, кто ничего не видел уже заранее.

Костя молчал так плотно, что это молчание занимало в салоне больше места, чем он сам. Надя смотрела на отражение его руки в стекле. Красная бирка билась о пальцы на каждом повороте.

- Ты правда не знал, что ключ остался в контуре? - спросила она.

- Я вообще не знал, что у ключей бывает контур.

- У людей тоже бывает. Видишь, как мы образовываемся.

Он усмехнулся, но сразу погас.

- Я хранил его в коробке с документами. После того раза, когда отказался подписывать, хотел выбросить. Не смог. Дурак.

- Почему?

- Потому что это был единственный предмет, который когда-то означал, что я могу прийти, если тебе плохо.

Надя отвернулась к окну.

Суханов не вмешался. Он умел делать вид, что не слышит, когда слышать было неприлично. Иногда это было его лучшее качество. Иногда худшее.

Телефон Нади лежал на коленях. На экране висело ограничение доступа. Под ним маленькая строка: «Ожидается разрешение конфликта доверенных лиц». Она впервые поймала себя на почти бытовой мысли: если сейчас понадобится вызвать такси, оплатить счёт, войти в личный кабинет, открыть старую почту, система может спросить не её. Может спросить человека, которого назначила вместо неё.

Это было не похищение. Похищение хотя бы честно признаёт, что тебя забрали. Здесь её оставили на месте, просто вынули из собственных действий.

У подъезда было темно. Лампочка над дверью горела, но как-то виновато, жёлтым пятном на мокром стекле. На козырьке лежали листья, размазанные дождём в тёмную кашу. Старый дом пах сырým камнем, дешёвым освежителем из соседской квартиры и батареей пылью, которую ещё не успело как следует прогреть.

Паша вышел из второй машины раньше, чем Надя успела открыть дверь. Подошёл, но остановился у бордюра.

- Я не иду первым.

- Боишься стать действием? - спросила она.

- Уже стал.

Костя подошёл к подъезду. Домофон мигнул. Он не успел поднять ключ - дверь щёлкнула сама.

Морозов в наушнике сказал:

- У вас вход распознан по приближению. Исторический контакт, поздравляю. Ваша железка теперь умнее некоторых свидетелей.

Костя отдернул руку.

- Я не прикладывал.
- Вот именно, - сказал Паша.

Суханов толкнул дверь плечом. Они вошли.

На лестнице пахло мокрым линолеумом и старой краской. Где-то наверху тихо работал телевизор. Женский голос за кадром что-то радостно обещал про семейную выгоду, и от этого лестничная клетка стала ещё мрачнее.

У двери Нади Костя остановился.

Замок был цел. Никаких царапин, никаких следов грубого входа. Слишком чисто.

- Камера в подъезде? - спросила Надя.

- Сдохла два месяца назад, - ответил Морозов. - По официальным данным. По неофициальным - оживает, когда ей интересно. Сейчас проверяю.

Костя вставил ключ.

Паша резко сказал:

- Стой.

Все замерли.

- Что?

Паша смотрел не на замок. На телефон.

- Мне пришло подтверждение.

Он показал экран.

Лазарев П. И.

Вы препятствовали бытовому входу исторического доверенного контакта.

Статус: риск воздействия подтверждён.

Рекомендация: не находиться в помещении Климовой Н. А. без третьего представителя.

Суханов тихо сказал:

- Они тебя выдавливают.

- Нет, - ответил Паша. - Они меня оставляют снаружи как доказательство.

Надя посмотрела на Костю.

- Открывай.

Ключ повернулся легко. Слишком легко для двери, которую много лет открывали чужими нервами.

Квартира встретила их тишиной. Не пустотой. Именно тишиной, в которой недавно что-то было и успело перестать быть. Надя знала свою квартиру до смешного точно: как лежит блокнот, на сколько миллиметров от края стола стоит кружка, где морщится ковёр у порога, где на подоконнике отвалилась краска. Теперь она сразу увидела: кто-то был внутри.

Не потому что пропали вещи.

Потому что они стали слишком правильными.

Папки на столе лежали ровно. Кружка была вымыта. Плед на кресле сложен так, как Надя никогда его не складывала. Окно закрыто до конца, хотя она всегда оставляла щель. Воздух был спертый, чужой, как после аккуратной уборки в больничной палате.

Рита вошла первой после Нади и сразу поморщилась.

- Здесь был человек, который не живёт один. Одинокие так не убирают. Одинокие знают, где у них грязь.

- Спасибо за социальную экспертизу, - сказала Надя.

- Не за что. У меня ещё есть про твою кружку, но ты обидишься.

Костя стоял у двери, не переступая порог дальше коврика.

- Я не должен был.

- Уже должен, - сказала Надя. - Они тебя для этого достали.

Черкасова подошла к столу. На ровной стопке папок лежал конверт. Серый, без марки, без обратного адреса. На нём было написано машинным шрифтом:

Для передачи третьему представителю.

Надя не коснулась конверта.

Рита достала перчатки.

- Наконец-то что-то честное. Конверт хотя бы выглядит как падла.

Внутри лежали три листа и тонкая пластиковая карта. Карта была серая, без фотографии, с чёрной полосой и выдавленным номером.

ПП-03. Представитель после смерти.

Лосев И. А.

- Он был здесь, - сказала Марта за спиной.

Все повернулись. Она стояла в дверях квартиры. Паша пытался остановить её на лестнице, но Марта прошла мимо него с таким лицом, что он не стал трогать.

- Марта, - начала Надя.

- Нет. Если вы сейчас скажете «не надо», я кого-нибудь ударю. Лучше сразу говорите, где мой муж.

Рита посмотрела на карту.

- Формально пока в морге.

- Формально он уже представляет сам себя, - сказала Марта. - Так что формально можете засунуть себе это слово в протокол.

Суханов кашлянул. Почти одобрительно.

Первый лист был актом передачи. Не свежим. Дата стояла за два дня до смерти Лосева.

Лосев И. А. передаёт на временное хранение Климовой Н. А. материалы, связанные с выявлением недобросовестного использования доверенных полномочий.

Подпись Лосева была похожа на подпись в старых документах. Внизу стояла строка:

Получение подтверждено доверенным лицом.

Получатель: Лазарев П. И.

Паша стоял в коридоре. Он видел лист издали, но, кажется, прочитал всё по лицу Нади.

- Что там?

Она показала ему лист.

Паша не вошёл.

- Я этого не подтверждал.

- Это уже не важно, - сказала Черкасова. - Важно, что теперь материал у Нади, вход сделал Костя, получение подтвердили тобой, а Марта ограничена как заинтересованное лицо.

- Красиво, - сказала Рита. - Труп передал, живой подтвердил, бывший открыл, жена пошла нахер. Семейная логистика.

Марта вдруг села на пол прямо у порога. Не упала. Села, как будто ноги решили, что хватит быть взрослыми.

- Он боялся телефона, - сказала она тихо. - Он говорил: если я исчезну, не верь первому ответу. Я смеялась. Сказала, что у нас нет денег на исчезновения, Илюш. Он тогда так посмотрел... Господи.

Надя присела рядом, но не тронула.

- Что ещё он говорил?

- Что у Садовой есть подвал, которого нет в плане. Что там хранят не документы. Полномочия. Чужие права входить, забирать, подписывать, ограничивать. Он говорил, что если право один раз выдали, оно не умирает. Его просто передают.

Костя медленно поднял ключ.

- Как ключ.

Марта посмотрела на красную бирку.

- У Ильи тоже была бирка. Серая.

Черкасова уже читала второй лист. На нём был список. Не фамилии. Роли.

Первичный родительский доступ.

Исторический бытовой вход.

Внешнее сопровождение.

Представитель после смерти.

Доверенное лицо высокой достоверности.

Резервная воля.

Последняя строка была обведена красным карандашом.

Живой заместитель.

Морозов в наушнике резко перестал материться.

- Повтори последнюю.

Черкасова повторила.

На том конце связи стало тихо.

- Морозов? - спросила Надя.

- Сейчас.

Щёлкали клавиши. Быстро, нервно.

Потом Морозов сказал уже другим голосом:

- У меня в подвале только что появился новый запрос на установку живого заместителя для Лосева.

- Кого? - спросил Суханов.

- Угадайте с одного раза.

Паша поднял свой телефон. Экран светился в тёмном коридоре.

Лазарев П. И.

Вам предложена роль живого заместителя по делу Лосева И. А.

Основание: ранее подтверждённое получение материалов.

Принять.

Отклонить.

Внизу мелко, почти незаметно:

Отклонение может быть расценено как отказ от защиты Климовой Н. А.

Надя смотрела на эту строку, а за её спиной чужой порядок квартиры вдруг стал понятен окончательно. Здесь не искали. Здесь раскладывали будущую версию.

На кухне тонко пикнул старый радиоприёмник, который давно не работал.

Из шипения вышел чужой, плохо собранный голос:

- Павел Игоревич, подтвердите вход.

Глава 15. Садовая, пятьдесят пять

У Садовой, 55 дождь шёл косо, будто его кто-то спускал с крыш по ведомственной разнарядке. Дом стоял на углу тяжёлый, светлый в дневной жизни и почти чёрный сейчас. Башня уходила в низкое небо, провода резали фасад, мокрые окна отражали красные точки светофора и тусклые фары редких машин. В старой архитектуре было что-то слишком уверенное. Такие дома знали больше людей, чем люди знали о себе.

Надя вышла из машины и сразу посмотрела вверх. Не потому, что ждала увидеть там ответ. Просто после квартирному голоса, после конверта, после строки «живой заместитель» ей нужно было убедиться, что хоть камень пока остаётся камнем.

Садовая не успокоила.

На первом этаже горела вывеска без названия. Просто матовое стекло, за ним свет. Рядом висела старая табличка, затёртая так, будто её много раз меняли, но ни разу до конца не снимали:

Архивное сопровождение.

Вход по записи.

- По записи, - сказал Морозов в наушнике. - Нежно. Я бы написал: «Вход по чужой воле».

Паша стоял рядом, но не у Нади. После квартиры он держал дистанцию уже не как осторожность, а как вынужденную меру. На его телефоне запрос «живого заместителя» всё ещё висел без ответа. Он не нажал ни одну кнопку. Молчание тоже считалось, но пока система не решила, как именно.

Костя приехал с ними. Надя хотела оставить его у дома, но он только показал ключ и сказал:

- Меня уже используют. Пусть хотя бы при мне.

Надя не стала спорить. Иногда человек имел право присутствовать при собственном позоре.

Марта тоже приехала. Рита сидела с ней в машине, но Марта всё равно вышла. Лицо у неё было сухое, чужое, как у людей, которые пережили первый удар и пока не поняли, что впереди второй.

- Я была здесь один раз, - сказала она. - Илья привозил меня. Сказал, что надо забрать справку. Я поднялась с ним до второго этажа. Там пахло пылью и кофе из автомата. Он тогда велел мне ждать у окна.

- Почему? - спросила Надя.

- Сказал, что внутри скучно.

Рита хмыкнула.

- Когда мужик говорит «скучно», обычно там либо деньги, либо чужая баба, либо уголовка.

- У Ильи была уголовка без денег и без бабы, - сказала Марта. - Самый мерзкий вариант. Они вошли.

Внутри было тепло. Слишком тепло для пустого вечернего здания. Холл пах старым лаком, мокрой одеждой и копировальной бумагой. На стене висела карта этажей, но подвал на ней отсутствовал. Лестница вниз была закрыта серой дверью с электронным замком.

У стойки сидел охранник лет пятидесяти с лицом человека, который давно научился не любопытствовать, потому что любопытство в таких местах не оплачивали. На груди у него висел бейдж без имени. Только должность:

Дежурный.

Суханов положил удостоверение на стойку.

- Открывай.

Дежурный посмотрел на удостоверение, потом на Суханова, потом на телефон.

- У нас по записи.

- У меня по возрасту, - сказал Суханов. - Я уже устал слушать эту херню.

Дежурный нажал что-то под стойкой. Не тревожную кнопку. Слишком спокойно. На экране перед ним появилась карточка.

- Климова Надежда Александровна. Доступ ограничен.

Надя подошла ближе.

- А вы быстро.

- Система подтянула.

- Система у вас прям заботливая.

- У нас порядок.

Паша положил свой телефон на стойку экраном вниз.

- Лазарев Павел Игоревич. Проверьте.

Дежурный посмотрел. Карточка на его экране обновилась.

Лазарев П. И.

Доверенное лицо высокой достоверности.

Роль: доступ возможен.

Надя почувствовала, как внутри что-то холодно усмехнулось. Вот и вся дверь. Не ключ, не удостоверение, не правда. Паша.

Дежурный поднял глаза.

- Вам можно.

- А ей? - спросил Паша.

- С вами.

- Нет, - сказал Паша.

Дежурный не понял.

- Что нет?

- Она не со мной. Я с ней.

- В системе наоборот.

- Система пусть учится читать слева направо.

Надя тихо сказала:

- Паша.

- Я не буду их дверью.

Дежурный нахмурился.

- Тогда доступ невозможен.

Костя молча положил ключ с красной биркой рядом с телефоном Паши.

Экран дежурного снова обновился.

Костянин К. О.

Исторический бытовой вход.

Роль: резерв.

Доступ возможен при конфликте доверенных лиц.

- Охренеть, - сказала Рита. - У нас теперь домофон с психологической драмой.

Черкасова наклонилась к экрану.

- Покажите журнал за последние трое суток по Лосеву.

- Не могу.

- Почему?

- Умершие не отображаются в общем журнале.

Марта резко подняла голову.

- Он не отображается, потому что умер?

Дежурный сказал это тем самым голосом, которым люди годами прикрывают мерзость привычкой:

- Умершие отображаются через представителей.

Марта тихо рассмеялась. Один раз. Без радости.

- Конечно.

Суханов наклонился через стойку.

- Открываешь журнал через представителя. Сейчас.

Дежурный посмотрел на него и понял, что спорить дальше будет не служебным действием, а личной глупостью. Он нажал несколько клавиш. На экране появилась таблица.

Лосев И. А.

Статус: после смерти.

Представитель: Лосев И. А.

Резервный представитель: Климова Н. А.

Живой заместитель: ожидается.

Паша закрыл глаза.

- Они уже поставили Надю резервом по Лосеву.

- Нет, - сказала Черкасова. - Смотрите дату.

Дата стояла за день до того, как Марта пришла к Наде.

Суханов медленно выругался.

- Лосев сам её поставил?

- Или его телефон поставил, - сказала Марта.

Надя смотрела на строку. Резервный представитель. Очень аккуратно. Не получатель материалов. Не свидетель. Не клиент. Представитель умершего, если умерший не может представлять себя сам.

Живой заместитель ожидается.

- Паша, - сказала она.

- Вижу.

Дверь в подвал щёлкнула.

Не от стойки. Сама.

Из-за неё вышла женщина в сером костюме, невысокая, с гладко убранными волосами и лицом школьного завуча, который давно понял, что дети вырастают, а журнал остаётся. В руках она держала папку с прозрачной обложкой.

- Добрый вечер, - сказала она. - Я Лидия Аркадьевна Мостовая, старший специалист по представительским статусам. Вижу, у нас наконец собрались стороны.

- Стороны чего? - спросила Надя.

Мостовая посмотрела на неё с усталой вежливостью.

- Передачи доверенного действия.

- Я ничего не передаю.

- От вас сейчас и не требуется.

Эта фраза оказалась хуже прямой угрозы. Надя почувствовала, как Паша напрягся рядом.

Мостовая разложила папку на стойке. Внутри были копии. Плохие, серые, но читаемые.

Первая: акт Лосева о передаче материалов Климовой.

Вторая: подтверждение получения Лазаревым.

Третья: исторический бытовой вход Костянина.

Четвёртая: родительский ключ Климовой М. С.

Пятая: свежая строка, которую Надя ещё не видела.

Климова Н. А.

Временно исполняет волю Лосева И. А. до назначения живого заместителя.

- Поздравляю, - сказал Морозов в наушнике. - Тебя сделали вдовой чужого архива.

Марта побелела.

- Вы с ума сошли.

Мостовая повернулась к ней.

- Марта Андреевна, ваше участие ограничено до проверки заинтересованности.

- Я его жена.

- Именно поэтому.

Рита сделала шаг вперёд.

- Слушайте, Лидия Аркадьевна, вы сейчас так красиво говорите, что мне хочется проверить у вас пульс. Человеческий должен быть где-то рядом, но не факт.

Мостовая не обиделась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.